

Людмила Милевская

Пять рассерженных жен

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ЭКСМО

Соня Мархалева – детектив-оптимистка

Людмила Милевская

Пять рассерженных жён

«Автор»

2001

Милевская Л. И.

Пять рассерженных жён / Л. И. Милевская — «Автор»,
2001 — (Соня Мархалева – детектив-оптимистка)

Пять бывших жён преуспевающего юриста Фрола Прокофьевича пришли его поздравить. Они ожидали, что очередной день рождения по-прежнему опекаемого ими Фросика пройдёт как обычно. Но кто-то вонзил имениннику в сердце нож, когда гости отлучились из комнаты. А через некоторое время труп загадочным образом исчез из квартиры. Но посторонних в доме нет, дверь, как обычно, закрыта изнутри, а на окнах решётки... Значит, можно смело утверждать, что убийца – одна из пяти бывших жён. Соня Мархалева, писательница детективных романов и лучшая подруга «старшей» жены Тамары, с энтузиазмом берётся за расследование этого «семейного» дела...

Содержание

Вместо пролога	6
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	37
Глава 7	42
Глава 8	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Людмила Милевская

Пять рассерженных жён

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Вместо пролога

Эта необычная, немного странная, немного страшная и местами смешная история – история трагической гибели потрясающе к жизни ленивого, презрительно к политике равнодушного любителя много пожрать и долго поспать, который так толком и не понял, что существование его внезапно оборвалась, к его же счастью...

В общем, это история трагической гибели моего знакомого... кота.

Глава 1

В тот день я получила потрясающе приятное известие: издательство запросило мою фотографию. Цветную. Для обложки. И не такую, как требовалось прежде – строгая поза, никаких улыбок, дабы не осквернять своим легкомыслием читательского представления о писателе.

Признаться, мне всегда было обидно: неужели в глазах редактора я столь безнадёжная дура, что мне не позволяют даже улыбнуться так, как я это привыкла делать с детства – во весь рот. Почему я должна морщить лоб и сдвигать домиком брови, демонстрируя ум, который в женщине мне глубоко противен. Мужчины изобрели этот ум, пусть они его и изображают, а я должна изображать красоту. Разве это не приятней?

Слава богу, на этот раз я могла себе позволить гораздо больше и несказанно обрадовалась. Я уже представляла себя во всевозможных позах на фоне бассейна, в купальнике...

Или нет, ещё лучше, без него. Да, пусть видят, какая у меня фигура, пусть оценят...

Стоп. Кто мне позволит? Это все-таки обложка книги. Детектива. Хотя все эти детективы и жуткая порнография, но все же книга не «Плейбой», чтобы там печатать мою обнажённую фигуру. Боюсь, издатель этого не поймёт. Боюсь, он даже не захочет понимать...

Но зато как поняли бы это мои читатели. Особенно мужчины, если таковые есть среди них. А если нет, они тут же, увидев меня без купальника, ну прямо тут же у меня появятся...

И возможно тут же у меня возникнет какой-нибудь свеженький роман...

Я имею ввиду настоящий, с живым мужчиной... Хотя, таких сейчас мало.

Однако, как мне, оказывается, не хватает свежих впечатлений. Порой я просто жалею, что внезапно обзавелась ребёнком и вот-вот обзаведусь постоянным мужем.

Не перестаю удивляться, как выживают несчастные замужние женщины. Как им это удаётся? И ещё моя подруга Маруся с детства мечтает выйти замуж. Поразительно, но с этой мечтой она не расстаётся и сейчас. С этой мечтой она благополучно дожила до сорока с лишним, так ни разу её не осуществив. Мечта от этого лишь обрела силу. И после этого Маруся хочет, чтобы я признала, что у неё есть разум. Я и замуж ещё толком-то не вышла, а жизнь моя уже стала излишне стерильна и безмерно утомительна. Насколько приятней иметь романтические отношения...

Ещё приятней их менять, время от времени. О, где они, эти мужчины? Эти высокие и сильные с огромным... Нет, с безграничным чувством любви, готовые меня взять и...

И...

И... швырнуть в пылающий костёр страсти... Увидев на обложке книги мою фотографию, они тотчас воспламенятся и...

И я унеслась своими мечтами далеко-далеко в будущее, представляя все вытекающие из обложки последствия: вот письма, письма, признания в любви, много признаний, вот я, окружённая толпой поклонников, и все они буквально влюблены, влюблены, а я прекрасна, прекрасна... Я так прекрасна...

Несмотря на возраст, порой ещё это возможно... Если хорошенько выспаться, а перед этим с недельку поваляться на диване перед телевизором на свежем воздухе в саду...

Господи, что я мелю. Какие-то невообразимые вещи. В саду смотреть телевизор невозможно. Он плохо показывает. Да и соседи на нервы действуют. Какая уж тут красота.

Но я не об этом. Всего лишь хотела сказать, что была я в тот день на подъёме. Получила прекрасную новость и заслуженно радовалась ей. Но так всегда, если вдруг придёт радость, то тут же должна случиться какая-нибудь пакость, призванная эту радость омрачить. Если кто-нибудь скажет, что у него бывает по-другому, я в лучшем случае не поверю. А в худшем... Впрочем, нетрудно догадаться, что я сделаю в худшем случае.

Короче, не успела я бурно нарадоваться, как ожил телефон. Я схватила трубку, прижала её к уху и услышала противный голос Тамары:

– Мама, это я.

Только не подумайте, что Тамара – моя дочь. Боже упаси! К тому же она старше меня на целых несколько месяцев, и уж не буду говорить о том, как она выглядит. И это после всех её подтяжек. Бедняга и сама это понимает и от зависти сходит с ума...

Впрочем, никто её не насилует, сама выбрала себе такую жизнь, так пускай не жалуется. С этим своим бизнесом она совсем захирела. Теперь все, что она зарабатывает, идёт на косметические операции, но я не об этом. Я о том, почему Тамара называет меня Мамой. Да и об этом не стоит, просто так повелось. Женщины – одно слово. Что вы хотите? Тот, кто имеет подруг, легко меня поймёт. Вот, Маруся (ещё одна подруга) меня вообще называет старушкой, а я в ответ считаю её уродом, но тщательно это скрываю. Передать не могу какое удовольствие я получаю, когда Маруся просит моего совета в выборе одежды. Чем хуже она выглядит, тем больше я её хвалю. Впрочем, здесь я не оригинал. Многие поступают так же.

Так вот, с самой середине моего ликования материализовалась Тамара. Она была взвинчена и прямо-таки источала плохое настроение.

– Мама, это я, – сказала Тамара и тут же добавила: – Иди ты в задницу!

Как прикажете на это реагировать? Сижу, радуюсь, никого не трогаю, и вдруг звонят и посылают черти куда. Я уже собралась возмутиться, сожалея, что по телефону нельзя это сделать столь эффективно, как живьём, но Тамара успела пояснить ангельским голосом:

– Мама, милая, это я не тебе, – и тут же добавила, изрядно зверея: – Сам идиот! Ты сейчас выпросишь себе на жопу приключений! Моё терпение вот-вот лопнет!

– Моё тоже! – засвидетельствовала я. – Столько грубостей, мой редактор этого не одобрил бы, и впервые в жизни я с ним была бы согласна. Безобразие! Я только что находилась в мечтательном настроении и была готова на бог знает какие подвиги... И тут вторгаешься ты с какой-то жопой. И с кем ты там разговариваешь, если ты, конечно, позволишь спросить?

– С Даней, – рявкнула Тамара.

Я могла бы догадаться сама, потому что Даня – нежно любимый муж Тамары.

– Почему бы тебе сначала не поговорить с ним, а уж потом не позвонить мне? – поинтересовалась я. – Если ты решила собрать в одну кучу все, что тебе дорого, так знай, ничего хорошего (как правило) из этого не получается.

– Я знаю, – едва не рыдая сообщила Тамара, – но Даня поднял голос протеста.

– По какому случаю? – изумилась я, прекрасно зная, что Даня в последние годы ест из рук Тамары, причём ест с аппетитом, и аппетит его растёт катастрофически, так о каком протесте может идти речь?

Кстати, боюсь, он уже ест не один. Пока Тамара гробит здоровье на благо своего бизнеса, снедаемый бездельем Даня вполне может обзавестись любовницей. Не хочу расстраивать Тамару, но я уже видела его однажды рядом с длинноногой блондинкой лет двадцати. Правда это было в очереди за билетами на футбол, но кто его знает.

– Ах, Соня, я не знаю что делать, – горестно сообщила Тамара. – Даня восстал! Он не хочет пускать меня на день рождения Прокопыча.

Просто удивительно как этот эгоист Даня столько лет пускал мою Тамару на день рождения Фрола Прокофьевича. Учитывая то, что Фрол Прокофьевич первый муж Тамары, это удивительно вдвойне.

– Ты сейчас где? – спросила я у Тамары, имея на неё кое-какие виды.

– На работе.

– До сих пор? – изумилась я.

– До сих пор, – со вздохом призналась она. – Ты же знаешь, как трудно оторваться от коллектива: пока не затрахают, не отпустят.

– Надеюсь, ты говоришь в переносном смысле.

– К сожалению, да, – ответила Тамара. – А тут ещё и Даня взялся пудрить мозги. Боже, как он протестует!

– Даня припёрся протестовать к тебе на работу? – поразила я.

– Да нет, он-то как раз дома и протестует по телефону.

– Так отключи его и дело с концом, – посоветовала я.

– Уже отключила, но на душе скверно. А на день рождения Прокопыча я все равно пойду. Пропускать это мероприятие не намерена. Пусть Даня хоть удавится, но традиции я не нарушу.

– Не надейся, он не удавится, – заметила я.

– Я тоже так думаю, – уже гораздо бодрей согласилась Тамара и с напором продолжила: – Соня, ты должна помочь мне выбрать подарок.

Каждый год Тамара дарила Фролу Прокофьевичу белую рубашку и каждый год к этому ответственнейшему акту она привлекала меня. Пользуясь нашей дружбой, она заставляла меня сначала долго курсировать между прилавками всевозможных магазинов, эту рубашку выбирая, а потом под угрозой обид тащила на сам день рождения эту рубашку дарить.

Неприятность положения усугублялась тем, что дни рождения Фрола Прокофьевича, как правило, проходили очень скандально и заканчивались слезами всех приглашённых, исключая лишь меня и самого Фрола Прокофьевича.

На этот раз я присоединилась к Дане и восстала.

– Нет уж, – воскликнула я. – Обойдётся без меня. Ни за что не пойду ни покупать подарок, ни на день рождения! Даже и не проси!

Я восстала не просто так, а с умыслом, поскольку положила глаз на Тamarкиного кота, которого она любила пуще Дани. Я знала, что Тамарка мне на истязание своего кота не даст ни при каких обстоятельствах, но все же пыталась эти обстоятельства нащупать.

– Ну Мама, дорогая, – взмолилась Тамарка. – Ну почему?

– У меня своих дел по горло, – отмахнулась я. – Вот если бы ты на один день дала мне своего кота, тогда бы я ещё подумала.

Тамарка пришла в ужас.

– Что?! Моего кота?! Зачем он тебе?

– Всего лишь хочу с ним сфотографироваться, – невинным голосом сообщила я.

– Представляю, что ты с ним сделаешь! – ещё больше ужаснулась Тамарка, которой прекрасно известны полёты моей фантазии. – Нет, кота я не дам! Об этом не может быть и речи! Я люблю его больше жизни! Он единственный, кто действительно любит меня!

Мне стало обидно, и я возразила.

– Глупости, – с жаром воскликнула я, – я люблю тебя гораздо больше, просто подводит язык, а кот молчит, и ты ему веришь, а он любит только пожрать, ну, и ещё то, что он обычно лижет и все, связанное с этим же. Больше у него в этой жизни интересов нет, не обольщайся. Он совершенно бездарнейшая личность, но мне может очень пригодиться. Так что давай сюда кота, и хоть сегодня же отправимся выбирать Фролу Прокофьевичу его законную рубашку.

Казалось бы, что я такое ужасное сказала, Тамарка же моя словно взбесилась.

– За кого ты меня принимаешь?! – завопила она. – Мама, ты просто дура, если надеешься, что я хоть на секунду доверю тебе своего кота!

– Да брось ты, – возмутилась я, – ни для кого не секрет, что твой Даня, этот враг всего живого, каждодневно бьёт несчастного кота смертным боем.

– Даня?! Бьёт моего кота?!

Похоже, Тамара была безутешна.

– Да, Даня. Лупит твоего кота нещадно, и я Даню не осуждаю, потому что (благодаря тебе) это единственное его занятие. Нельзя же так калечить мужика. Мужчина создан для каторжного труда, а ты положила его на пуховые перины, вот он на коте свою агрессию и вымещает.

Сколько раз заходила к тебе, всегда натыкалась на одну и ту же сцену: немилосердное избивание кота. И не только я. Весь город уже обсуждает эту тему. Куда только смотрит общество защиты животных, если у нас такое есть.

Тамара потеряла дар речи. Я, пользуясь этим, продолжила:

– Если бы ты действительно любила кота, то не задумываясь отдала бы его мне. Бедняга хоть отдохнул бы от побоев. И вообще, поражаюсь твоей неблагодарности. Я выступаю с таким выгодным для тебя проектом, а ты гоношишься.

Заслышав о проекте, Тамара мгновенно пришла в себя.

– Что ты имеешь ввиду? – озабоченно спросила она.

– Ну как же, твой кот в паре со мной будет выступать перед многочисленной аудиторией.

Зачем я, спрашивается, это сказала. Кто меня за язык тянул. Только что успокоившаяся Тамара, окончательно взбеленилась. Боже, какие она извергала из себя ругательства! Я выслушала их с присущей мне невозмутимостью и сказала:

– При чем здесь цирк? Только в твою сумасшедшую голову может придти такая идея. Если твоему коту и место в цирке, так только в номере «Чудо ожирения». Он потому и способен переживать Данины побои, что жиром заплыл. Я имею ввиду совсем не ту аудиторию. Речь идёт о моих читателях. Со дня на день в печать отправится мой новый детектив, а я до сих пор не отнесла в издательство свою фотографию. И что за жадность? Я всего лишь хочу с твоим котом сфотографироваться, а ты уже столько шуму подняла. Ты гордиться должна, что я хочу показать всему свету твоего ожиревшего кота. На мой взгляд, это очень выгодный для тебя проект. Я потом подарю тебе свою книгу, ты будешь её показывать всем своим партнёрам и говорить: «А вот мой кот! На обложке!» Чем это плохо?

Тамара призадумалась, видимо идея ей понравилась.

– А почему ты собралась фотографироваться на обложку с котом? – спросила она.

– Потому что детектив пойдёт в иронической серии, а там нужно что-нибудь этакое, смешное. А что может быть смешней твоего кота? Я же со смеху всякий раз падаю, когда вижу, как он пытается ходить.

Принимая во внимание Тamarкины чувства, это было жестоко. Да и глупо насмехаться над незащитным предметом её любви, и тут же пытаться завладеть этим предметом, но Тамара почему-то моей колкости даже не заметила. Она была озабочена другим.

– Мама, – воскликнула она, – тебя печатают в ироническом детективе? Это правда?

– Правда, – не без гордости подтвердила я и с важностью добавила: – В твёрдой обложке.

– Поверить не могу! Они сошли с ума! Ведь все знают, что ты абсолютно не умеешь шутить, ты глуха для юмора.

– Я и не шутила, – призналась я. – Писала совершенно серьёзно. До сих пор не пойму, почему им это показалось смешным. Да какая разница. Раз печатают, значит сочли нужным, сейчас речь идёт о твоём коте. Даёшь ты мне его или нет?

– Даже не знаю, Мама, – ответила Тамара, но в голосе её уже чувствовалось сомнение. – А ты его кормить не забудешь?

– Нашла о чем беспокоиться. Если и забуду, ему это только на пользу пойдёт. Зачем ты его так раскормила? Ему же не в сумо выступать. И потом, ты так волнуешься, будто я его на месяц забираю. Я сама на это не пойду. Не могу сказать, что не люблю животных, но с некоторых пор заводить опасаясь: они у меня почему-тодохнут, – призналась я.

– Может как раз потому, что ты их регулярно забываешь кормить? – предположила Тамара.

– Вполне возможно, – согласилась я. – Но я и сама, порой, забываю поесть, такая напряжённая у меня жизнь. Покой мне только снится! Если бы не мой Астров... Ну да ладно, не о том речь. Так даёшь ты кота или нет?

– Даю, – решила Тамара. – Но мы идём по магазинам и на день рождения.

– В таком случае к коту дашь и ключи от своей дачи, – тут же затребовала я. – Буду фотографироваться на фоне твоих колонн.

– Ну это уже слишком, – возмутилась Тамара.

– Глупая, вместе с котом на обложку попадёт и твоя дача. Соглашайся.

Тамара опять призадумалась.

– Да? – в конце концов спросила она. – Моя дача? Попадёт на обложку?

– Именно, – заверила я. – Фотографироваться в собственно квартире – это мещанство, а твоя дача вполне сойдёт за Колонный зал.

– Хорошо, я согласна, – окончательно сдалась Тамара.

Утром следующего дня она была уже у меня. Сразу же вручила моему Астрову ключи от дачи, чтобы он заранее мог выбрать достойный для нас с котом фон, после чего, обвешанный фотоаппаратурой Евгений тут же и отбыл. А мы с Тамаркой отправились по магазинам.

Памятуя о том, что я должна сохранять перед съёмками свежесть и не желая изматывать себя общением с продавцами, я пристала к первой же попавшейся рубашке и принялась истерично её расхваливать. Рубашка была ужасна, но спящая стоя с открытыми глазами продавщица проснулась от моего восторженного визга и подключилась к процессу. Вдвоём нам почти удалось убедить Тамарку, что рубашка шедевр портняжного искусства, но в последний момент она осознала, что на этом поход по магазинам закончится и решительно с нами не согласилась. Более того, она разгадала мой манёвр и строго сказала:

– Мама, не увиливай. Ты невозможная! Если думаешь, что от меня легко отделаться – заблуждаешься. Кота и дачу отработаешь как полагается.

– Господи, что с людьми делает этот бизнес! – воскликнула я, вознося руки к потолку. – Ты во всем видишь только злой умысел.

– И никогда не ошибаюсь, потому что в девяноста девяти случаях из ста меня хотят надуть.

С этими словами она потащила меня по магазинам и таскала до тех пор, пока я не упала около очередной белой рубашки и не воскликнула, обливаясь потом:

– Все, больше не могу.

– Берём, – мгновенно приняла решение Тамарка, на рубашку даже не взглянув.

Она тут же с улыбкой обратилась к продавцу:

– Упакуйте пожалуйста.

На самом деле ей было плевать какая там рубашка. Рафинированный Фрол Прокофьевич её белых рубашек не носил, он приходил в ужас и тут же дарил их официантам ресторанов, в которых регулярно обедал. Он с этими официантами был для того и дружен, чтобы сплавлять им все подарки, полученные на свой день рождения. И я его не осуждаю, потому что покупались все эти подарки по одному и тому же принципу – чтобы доставить Фролу Прокофьевичу хотя бы несколько неприятных минут. Удивительно было лишь то, что бедняга это терпит.

Когда рубашка была куплена, а Тамарка пришла к выводу, что наконец-то я окончательно потеряла весь свой внешний вид, мне стало ясно, что процедура закончилась.

– Все, можешь ехать на дачу фотографироваться с моим котом, – с чувством выполненного долга воскликнула Тамарка, с удовольствием разглядывая то, что от меня осталось.

– А где кот? – вяло поинтересовалась я, уставившись на свои опухшие от ходьбы по магазинам ноги и думая, что моя страсть к высоким каблукам с возрастом становится обременительна.

– Даня его уже туда повёз, – оптимистично заявила Тамарка, – но понятия не имею как ты будешь фотографироваться: у тебя же под глазами такие круги и щеки обвисли. И вся ты какая-то зелёнькая. Может перенесёшь эту процедуру на завтра?

Я воспряла:

– С удовольствием.

– Ах, нет, – вспомнила Тамарка, – завтра же мы идём на день рождения. Поезжай сегодня.
И я поехала.

Глава 2

Я приехала на дачу, и вот оттуда-то и начались все мои неприятности.

Для начала я поругалась с Евгением. Он не придумал ничего лучшего, как предложить мне сняться на фоне серой стены и без кота. Я пришла в бешенство.

– И для этого надо было ехать на Тamarкину дачу и тащить сюда её непутёвого кота? – завизжала я. – Когда таких стен и в моем доме хватает. И эта ничем моих не лучше. У меня хоть обои весёленькие, а тут сплошной мрак. Как и вся Тamarкина жизнь.

– Я вообще не понимаю, зачем ты притащилась сюда и почему загорелась желанием фотографироваться именно с Тamarкиным котом, – выразил недоумение Евгений. – На свете что, мало котов? Только в одном нашем подъезде их живёт с десяток.

Я ещё больше вскипела:

– Астров, не выводи меня из себя! Ты что, предлагаешь мне фотографироваться с бездомным блохастым котом? На обложку книги? Чтобы читатель мог полюбоваться как по мне скачут блохи? И после этого мне ещё будут говорить о мужском уме! Да ты посмотри только на Тamarкиного кота и все поймёшь. Кот красавец, сама роскошь! Взгляни на него, несчастный!

Евгений последовал моему призыву и взглянул. Кот флегматично лежал там, куда его бросил Даня – на полу. Складывалось впечатление, что он упал замертво, он даже не дышал, так ему было лень.

– И что? – ничего не понял Евгений.

– А то, что он рыжий и прекрасно сочетается с моей рыжей гривой, – уже настраиваясь на рабочий лад и хищно осматривая холл, сообщила я. – Будешь снимать нас на фоне той колонны.

– Становись, – скомандовал Евгений, послушно хватая в руки фотоаппарат.

– Что значит – становись? – возмутилась я. – Тащи лестницу!

– Лестницу? – изумился он. – Зачем?

– Боже, какой ты бестолковый! За тем, что я хочу сфотографироваться наверху, на фоне верхней части колонны!

Евгений (видимо не стоило на него так много кричать) начал заводитьсь. Сначала он покраснел и поиграл желваками, что всегда было плохим признаком, потом засопел и тишайшим, обманчиво нежным голосом сказал:

– Со-ня, это колонна. Посмотри на неё. Она круглая. Со всех сторон. И снизу, и сверху одинаковая. Какой смысл лезть так высоко?

Я слегка струхнула, ещё запустит в меня своим аппаратом и уйдёт домой, но все же решила не сдаваться и нагло заявила:

– А мне что за дело? Меня вообще интересует не колонна, а кот и я сама. Хочу, чтобы ты снимал нас снизу и все выглядело так, словно я лечу с котом на плече. Понимаешь? Ну, чтобы выглядело так, словно я ведьма. Я и платье чёрное для этого надела, да и Тamarка постаралась, затаскала меня по магазинам так, что я и без грима ведьма. Короче, я так вошла в образ, что глупо не лезть наверх. Ты понял? Хочу, чтобы читатель поверил в то, что во мне есть нечто демоническое, ведьмическое. Понимаешь?

– Понимаю, – вздохнул Евгений. – Жаль, что читатель не может слышать твоего голоса, тогда бы у него не осталось сомнений в том, кто ты. Настоящая ведьма, – с этими словами он пошёл в сарай, там Тamarка хранила лестницу.

Когда лестница была принесена и приставлена к колонне, я схватила на руки кота и полезла с ним по ступеням. Лестница, должна сказать, была прекрасная, как и все в доме Тamarки. Очень устойчивая, с широкими ступенями, так что я совершенно не опасалась сверзнуться вниз. Одна беда, кот. Он был так тяжёл, что я с трудом волокла его за собой. Спасибо,

что он не сопротивлялся и безропотно сносил все мои издевательства, иначе, даже не знаю, как удалось бы мне добраться до верха. Однако, когда я была уже близка к потолку, испугался Евгений.

– Соня, Соня, хватит, – закричал он. – Тормози!

– Ты ничего не понимаешь, – возразила я. – Нужно, чтобы создалось впечатление, что мы с котом под потолком парим...

И в этот миг кот неожиданно оказал сопротивление, он категорически не хотел парить. Более того, он выпустил когти. Взыв от боли, я пулей вознеслась на последнюю ступеньку и подняла над головой кота, так, что его задние лапы оказались на моем плече. Я хотела добиться эффекта, будто кот стоит на двух лапах, но добилась совсем другого. Кот вырвался и прыгнул мне на голову. Признаться, я не ожидала такой прыти от столь непутёвого организма и закричала:

– Женька, скорей снимай, прекрасный кадр!

– Но кот же у тебя на голове, – изумился Евгений.

– Пусть будет так, это тоже хорошо, – завершила я.

Евгений наставил на нас фотообъектив, но я ясно видела, что ракурс он взял не тот и возмутилась:

– Что ты делаешь? Левей! И ниже! Я хочу, чтобы создавалось впечатление, что мы в полёте. Понимаешь? Читатель должен думать, что я лечу...

И я полетела... Ошалевший от страха кот издал душераздирающий вопль, дёрнулся, он был слишком тяжёл, я потеряла равновесие, резко сдвинулась туда, куда просила зайти Евгения, лестница накренилась и... мы полетели: лестница, я и кот. Кот по непонятной причине не пожелал сойти с моей головы и при этом царапал когтями мои щеки нещадно...

Так, вместе с котом я приземлилась, по пути зацепив скулой за что-то и набив себе неподражаемый фингал. Секундой позже приземлилась лестница, подарив мне второй фингал.

Лестница упала прямо на нас с котом. Кот, оказавшись на полу, там лежать и остался, а я вскочила и, негодуя, понеслась на Евгения.

– Я сделал несколько отвальных кадров, – восторженно сообщил он, а я вместо восклицательного знака залепила ему пощёчину.

Пощечиной я не ограничилась, от злости я пару раз лягнула его и помчалась к зеркалу смотреть на результат полёта. Результат превзошёл все ожидания: от моего лица не осталось живого места. Впрочем, нет. Нос, центральная часть лба, губы и подбородок сохранились неплохо, а вот щеки! Боже! Щеки представляли собой подобие фарша. Во всяком случае крови было больше, чем в говяжьем фарше. Глаза...

Впрочем, глаз не было видно. Их закрывали фингалы. Каким-то непостижимым образом я обросла ими в полёте, и от этого мой взгляд на жизнь приобрёл похоронные краски.

– Изверг! – завопила я на Евгения. – Что ты со мной сделал? Ты не мог поймать лестницу? Или, на худой конец, меня? Ах, да, – притворно вспомнила я, – ты действительно не мог. Ты же в это время увлечённо щёлкал фотоаппаратом! Папарацци чёртов! Я убью тебя! Убью!

С этим воплем я понеслась на Евгения.

– Соня, прости, я творческий человек, – убегая, оправдывался он, – ну не совладал, не совладал с собой, увлёкся, Соня! Прости!

Горе моё достигло опасного предела, и догонять Евгения я передумала. Бог знает что я могу с ним сделать? Вдруг и вправду убью? Вместо этого я уселась на пол и завывала.

– А-ааа! Что я теперь покажу моему читателю-юю! – выла я. – Фарш на щеках и фингалы?! А-аааа! А я-то мечтала, что выступлю на плече с котом, вся воздушная, вся прекрасная, неотразимая, что читатель увидит меня, восхитится и воскликнет: «Ах, что за чудо! Что за прелесть! И что за красота!.. И... что... эта... дурочка... может... написать... приличного? В этой же головке не предусмотрено мозгов!»

Мои слезы мгновенно высохли.

– Это сам Бог спас меня от необдуманного поступка, – лихорадочно зашептала я. – Конечно, нельзя читателю показывать свою красоту, этак он меня уже заранее раскритикует, ещё без причины.

Евгений обрадовался и закричал из-за колонны, куда я загнала его:

– Вот видишь как хорошо все получилось!

– Молчи, изверг, – для порядка прикрикнула я, хотя абсолютно была с ним согласна.

Более того, я подумала: «И день рождения, слава богу, отпадает. Не хватит же совести у Тамарки тащить меня к своему Фролу Прокофьевичу. Я там всех гостей распугаю.»

– Поехали домой, – скомандовала я.

Евгений вышел из-за колонны и с ужасом воззрился на мертвецки спящего кота.

– Он живой? – спросил Евгений.

– Конечно, – заверила я. – Живой по всем признакам.

– По каким признакам? Он даже не дышит!

– Это от лени. Нормальное его поведение. Этого кота можно бросать хоть с Эфелевой башни, он и не почувствует, столько на нем жира и шерсти. Хочешь, наступлю ему на хвост, он не издаст и звука.

– Нет, не надо, – поспешно отказался Евгений. – Но я не понял, ты что, все эти аргументы приводишь в пользу того, что кот жив? Какие же тогда будут в пользу его смерти?

– Никаких. Этот кот бессмертен. Если бы ты видел, что продельывает с ним Даня, пришёл бы к такому же выводу. Бросим его здесь, а утром Даня подберёт.

И мы ушли. Точнее, уехали, поскольку дача Тамарки за городом. Дома я горестно обследовала своё лицо и поняла, что это плата за мою чрезмерную гордыню. Нельзя кичиться своей красотой, когда вокруг столько уродов. Надо быть скромней, а то слезают.

С этой разумной мыслью я и легла спать, давая себе клятвы ни за что не идти на день рождения Фрола Прокофьевича.

Может потому, что моя последняя мысль была о нем, он мне и приснился.

Всю ночь мне снился Фрол Прокофьевич, причём в самом непотребном виде. Этот достойный, всеми уважаемый человек, адвокат с приличным именем гонялся за мной по Тамаркиной даче (только представьте) в чем мать родила. Я тут же выяснила, что он мал и тощ, особенно некоторыми местами. Это открытие сильно увеличивало ту скорость, с которой я убегала. И все же он меня догнал и...

Дальше все было неожиданно мило: он признался мне в любви и попросил у Евгения (с которым мы за малым не муж и жена) моей руки. Как ни странно, Евгений с радостью нас благословил, и вот тут-то начался сущий ад. Набежали его жены. Я имею ввиду бывших жён Фрола Прокофьевича. Все они были ужасно злы, впрочем, как и в жизни, и все требовали, чтобы Фрол Прокофьевич, с его тощими и малыми местами, бросил меня.

– Да я сама его брошу! – обиделась я и... проснулась.

Меня тряс за плечо Евгений. Он был удивлён.

– Чем ты занимаешься во сне? – спросил Евгений. – Ты издаёшь такие знакомые звуки.

Я сочла за благо на этот вопрос не отвечать.

– Уже утро? – спросила я.

– Как видишь, – ответил Евгений. – Но я бы назвал это днём: как никак двенадцать часов. В России это называется полдень.

И в этот миг раздался телефонный звонок. Евгений дёрнулся к аппарату, но я успокоила его:

– Я сама возьму трубку. Это Тамарка. Будет терроризировать меня своим днём рождения, до начала которого осталось всего два часа.

Глава 3

Но это была не Тамарка. Как ни странно, это был Фрол Прокофьевич. Он никогда не звонил мне раньше, я даже удивилась откуда у него мой номер, но вида не подала и обрадовалась. После такого сна он был мне уже не чужой.

– Сонечка, поскольку вы все равно придёте на мой день рождения, я хотел бы обратиться к вам с одной просьбой, – произнёс он хорошо поставленным голосом.

Я испытала противоречивые чувства: с одной стороны настоящий Фрол Прокофьевич, статный, симпатичный, одетый с иголочки, воспитанный, образованный, эрудированный и к тому же дамский угодник, а с другой стороны тот, из сна, с тощими местами. Но вместе с тем, у того, из сна, были со мной отношения, а у этого, настоящего, ещё нет. И кто знает, что у него под костюмом? Ну, уж Тамарка точно знает.

– Фрол Прокофьевич, – призналась я, – не хочу вас огорчать, но мне не доведётся побывать на вашем дне рождения.

Моё невинное признание по непонятным причинам его ужасно огорчило.

– Почему? – возмутился он. – Как вы можете не придти на мой день рождения? Такого ещё не бывало. Я ужасно! Ужасно обижусь! Нет, об этом не может быть и речи! Сейчас же наряжайтесь, я за вами заеду!

– Но если бы вы видели во что я превратилась, вы бы сами не рекомендовали мне этого делать. Я упала с третьего этажа.

Я не лгала, потолок Тамарки был не ниже, во всяком случае такое осталось у меня впечатление о том потолке. И я с него упала. Однако, Фрол Прокофьевич проявил немыслимую для него чёрствость.

– Но говорить-то вы можете? – спросил он.

– Могу, – призналась я.

– Тогда я к вам еду, – и он бросил трубку.

Пулей меня вынесло из постели. Приговаривая «такой мэн, такой мэн» я помчалась в ванную, посмотреть что можно сделать. Глянув на себя в зеркало я похоронила желание что-либо исправлять. В таком виде можно смело идти под пивнуху, там я буду в доску своя – такой приговор я вынесла себе и отправилась к Евгению.

– Женя, ты меня любишь? – спросила я.

– Если ты имеешь ввиду своё лицо, то да, так ты выглядишь гораздо добрей.

– Спасибо, дорогой, ты умеешь поддержать в трудную минуту. Сам признался, никто за язык не тянул, следовательно сейчас пойдёшь, откроешь дверь Фролу Прокофьевичу и скажешь, что меня нет дома.

– А где ты?

– Где угодно: в магазине, в театре, в кино, на свидании, на встрече с читателями!

– С таким лицом? – удивился Евгений.

– Но он-то не знает.

– Но ты же только что ему сообщила.

– О, язык мой – враг мой! – застонала я.

Но долго убиваться по этому поводу мне не пришлось – раздался звонок в дверь. Видимо, Фрол Прокофьевич находился где-то неподалёку от моего дома. Я в отчаянии закатила глаза и знаками приказала Евгению открыть дверь.

Врать он любил только мне, поэтому нехотя отправился в прихожую, а я на цыпочках за ним, подслушивать. Я тут же поняла, что дело швах, едва приложила ухо к двери. Фрол Прокофьевич был слишком настойчив. Против его пассивной интеллигентной агрессии Евгению не устоять. Дело шло к тому, что Фрол Прокофьевич вот-вот расположится на кухне дожидаться

меня и парализует жизнь в моей квартире, ведь туалет и ванна совсем рядом, кто знает какие возникнут у меня потребности? Я буду страдать, а Фрол Прокофьевич попивать кофеёк.

К тому же, совершенно очевидно, что ему изрядно приспичило со мной поговорить, раз он – вежливый и тактичный – врывается в квартиру, несмотря на все отговорки хозяев. Значит он может ждать долго, очень долго. Этак я потеряю день.

«Пора принимать меры!» – решила я и храбро шагнула в прихожую.

Евгений в это время, не жалея слов, как раз расписывал Фролу Прокофьевичу как внезапно понадобилась я своему издателю, какое важное там у нас дело и как не скоро я приду.

– Да вот же она! – обрадовался Фрол Прокофьевич.

Несмотря на «фарш» и фингалы он меня узнал, зато Евгений, похоже, не очень. Он растерялся и смотрел на меня, как на чужую. Потом зло сплюнул, выматерился и ушёл в гостиную смотреть телевизор. Я проводила его осуждающим взглядом и приветливо улыбнулась Фролу Прокофьевичу.

– Фрол Прокофьевич, – заворковала я, – вы должны нас простить. Мой Женя такой рассеянный, он опять не заметил, как я вернулась.

– Да-да, конечно, понимаю, понимаю, – вежливо бубнил Фрол Прокофьевич, хотя совершенно невозможно было понять как за те пять минут, которые прошли со времени нашего с ним разговора, я успела смотаться к издателю, проверить там своё важное дельце, вернуться незамеченной домой да ещё и переодеться в домашний халат. Если, конечно, не предположить, что я моталась в домашнем халате.

И все же, как приятно иметь дело с интеллигентными людьми. Врать им одно удовольствие – все снесут, причём с виноватой улыбкой.

Однако, далее Фрол Прокофьевич повёл себя не совсем интеллигентно.

– Где тут у вас спальня? – спросил он.

– Зачем вам? – удивилась я.

– Для серьёзного разговора.

Я вспомнила сон и кивнула на дверь, через которую только что вышла.

Фрол Прокофьевич схватил меня за руку и потащил в спальную. Там он внимательно посмотрел на меня и оптимистично констатировал:

– Прекрасно выглядите!

– Надеюсь, вы шутите! – воскликнула я.

– Ни в коем случае, – торопливо заверил он. – Думал, все будет гораздо хуже. Снимайте халат.

Я опешила, не ожидая такого напора. Господи, неужели сон в руку?!

– Что значит – снимайте халат? Мы с вами ещё не в таких отношениях!

Фрол Прокофьевич смутился и забормотал:

– Простите, Сонечка, совсем замотался, идиот. Понимаете, времени у меня в обрез, приходится быть лаконичным запредельно. Умоляю, войдите в моё положение и не сопротивляйтесь. Снимайте, снимайте халат, я отвернусь.

«Он отвернётся, очень мило, а как быть с моим Евгением? – возмущённо подумала я. – Женя без пяти минут мой муж! Но и Фрол Прокофьевич уже не чужой, после этого сна. Конечно, я знаю его много лет, правда встречаемся раз в году и в такой обстановке... В общем, отношения у нас слишком официальные, но Евгений же в гостиной, между нами две комнаты. Евгений, конечно, в гостиной и смотрит там телевизор, но вдруг он заинтересуется где мы? И что он скажет обнаружив нас в спальне? У разобранной кровати... Да ещё я без халата... Стоп! А почему это, собственно, я должна снимать этот чёртов халат? По первому же требованию едва знакомого мужчины!»

– Фрол Прокофьевич, – воскликнула я, – может вы сначала объясните мне, что здесь происходит, а уж потом я сниму свой халат, раз вам так этого хочется.

– Сонечка, умоляю, не спрашивайте ничего, – сказали он и побежал к моему платяному шкафу.

– А почему мы должны разговаривать обязательно в спальне? – наконец-то озадачилась я.

– Потому что я знаю: в спальне обязательно будет зеркало, туалетный столик, и гардероб, – ответил он, распахивая сразу все створки моего шкафа.

«Боже, какой извращенец! – ужаснулась я. – Да все ли у него дома?»

– Приберите свою постель, – тем временем приказал Фрол Прокофьевич, усиленно перебирая вешалки с моими нарядами.

«Как это – приберите?» – внутренне возмутилась я и с большим сожалением накинула на кровать покрывало.

– О! Вот это нам подойдёт! – обрадовался Фрол Прокофьевич, вытаскивая из прочих нарядов мой новый замшевый костюм леопардовой расцветки – по чёрному полю жёлто-коричневые пятна и разводы.

У него хороший вкус, вынуждена признать. Костюм баснословной цены, я ещё ни разу его не надевала, потому что он был сюрприз для моего Евгения, так сказать, подарок к нашей свадьбе. В моем возрасте идти под венец в белом платье уже глупо. И расточительно. Хватит, уже поумнела, у меня два чемодана забиты этими подвенечными платьями, хоть ателье проката открывай. Костюм же я могу носить и после развода.

– Примерьте его, – приказал Фрол Прокофьевич.

Естественно, против этого я ничего не имела, потому что обожаю устраивать примерки и готова мерять все подряд с утра до вечера. Жалко только, что мало для этого времени. Я, уже без лишних вопросов, тут же натянула на себя пиджак, а Фрол Прокофьевич продолжал копаться в моем гардеробе. Он ушёл в мой шкаф едва ли не с головой.

– Платок, платок, теперь нужен платок, – озабоченно бормотал он.

– Платки на верхней полке, – подсказала я, застёгивая пуговицы пиджака и гадая, на чем это я успела так сильно раздобреть.

Пиджак на мне еле сходилась. Точнее, только благодаря ему у меня ещё была талия.

– Если вы ищете платок к пиджаку, то там есть такой же, леопардовый, но, на мой взгляд, сюда больше подошёл бы чёрный, – заметила я.

– Чёрный? Нет, – возразил Фрол Прокофьевич. – Чёрной будет шляпа.

– Но у меня нет чёрной шляпы. Я дала её поносить этой растяпе Марусе. Кто же мог подумать, что в этой шляпе Маруся пойдёт в рошу пугать ворон. Вороны так испугались, что утащили мою шляпу прямо с париком Маруси, который она взяла у вашей Тамарки. Тамарка тяжело пережила утрату своего парика. С тех пор они не разговаривают, не все же такие добрые как я. Я-то шляпу Марусе простила. Теперь эта дуручка таскает в рошу всех претендентов на её крепкую руку и огромное сердце. Там они смотрят на воронье гнездо, которое расположилось в моей шляпе. Думаю, строительным материалом для гнезда послужил Тамаркин парик. И все же жаль, что они поругались. Маруся, конечно, не подарок, ещё тот фрукт, но и Тамарка ей не уступит. Уж вы-то знаете, раз были её первым мужем. Но с другой стороны в этой жизни...

– Простите, – смущённо перебил меня Фрол Прокофьевич, видимо отчаявшись дожидаться конца моего монолога. – Простите, Сонечка, но вы уже надели пиджак, забыв надеть юбку.

– Ах, это, ерунда, – успокоила его я, нехотя прикрываясь халатом. – Юбка прекрасно надевается через ноги. Я всегда так делаю.

– Не вы одна, – заметил Фрол Прокофьевич, – а и многие в нашей стране все делают через... ноги. Пока вы будете надевать юбку, я на секунду отлучусь, – и он выскользнул из спальни.

Я надела юбку, попривыкла к себе и крутилась перед зеркалом, уже поражаясь красоте своей фигуры, когда Фрол Прокофьевич, что-то пряча за спиной, просочился в комнату.

– Вы не находите, что я чрезмерно располнела для этого костюма? – спросила я, явно напрашиваясь на комплимент.

– Ну что вы, Сонечка, напротив, костюм так удачно вас облегает, – заверил Фрол Прокофьевич и тут же очень искренне восхитился: – Такие формы! Такие роскошные формы! Давайте теперь примеряем этот платок, – и он протянул мне леопардовый.

– Вы все же решили остановиться на нем? – удивилась я. – На костюме чёрная отделка, поэтому платок должен быть тоже чёрным.

– Нет, нет, чёрной будет шляпа, – решительно возразил Фрол Прокофьевич.

Я вскипела и уже хотела повторить ему ту историю с моей чёрной шляпой, париком, воронами и Марусей, историю, которая поссорила Марусю и Тамару, но в этот миг заметила в руках у Фрола Прокофьевича огромную картонную коробку, в которых хранят только шляпы.

– Я захотел вам сделать подарок, – немного смущаясь, пояснил он и снял с коробки крышку.

Давно я не испытывала подобного потрясения, а потому застыла как вкопанная, что совсем нетрудно понять: элегантная чёрная шляпа из натуральной соломки лежала на дне коробки.

Чудо! Прелесть!! Очарование!!!

Представляю сколько это стоит!

– Фантастика! – прошептала я, не отрывая глаз от шляпы. – Просто фантастика!

– Это вам, – скромно тупясь, произнёс Фрол Прокофьевич.

Я все ещё столбенела. А мой Евгений сидит в гостиной. Смотрит телевизор. А здесь происходит такое! Боже, перед таким чудом у любой женщины померкнет разум! Таким состоянием легко воспользоваться, как это часто и происходит. Да, да, я просто разум теряю, глядя на шляпу. Евгений, правда, сидит в гостиной. Смотрит телевизор. Но он в любой момент может заинтересоваться: чем же мы тут заняты?

А здесь происходит такое!

– Нет, я не могу принять ваш подарок! – воскликнула я, устремляясь на шляпу всею собой и хищно простирая к ней руки. – Это не в моих правилах.

– Но, Сонечка, я же от всей души, – взмолился Фрол Прокофьевич.

– Нет, нет, об этом не может быть и речи, – возразила я, спешно накручивая на голову леопардовый платок. – Даже не просите!

– Сонечка, не так, два раза вокруг шеи и побольше на щеки, – сказал Фрол Прокофьевич и поправил на мне платок, сделав с ним что-то такое, после чего мой «фарш» на щеках стал совсем не виден.

Если бы не фингалы, я была бы даже прелестна.

– Сонечка, я вас просто умоляю, вы должны мой подарок принять, – снова начал упрашивать Фрол Прокофьевич.

– Нет, нет, это исключено, – ответила я, водружая шляпу на голову поверх платка.

Фрол Прокофьевич глянул на меня, я тоже глянула на себя и...

– Очаровательно, – произнёс он. – Просто очаровательно, но чего-то не хватает. Очков!

– И туфель! – воскликнула я. – Чёрных туфель и очков в леопардовой оправе. Возьмите в тумбочке туалетного столика.

Он полез в тумбочку, а я устремила к шкафу и в два счета отыскала чёрные туфли на высоченной золотой шпильке, все в тон моему «леопарду». Туфли просто шик! Ходить на них невозможно, но как роскошно можно на них стоять!

Тут же к туфлям я подобрала сумочку и заткнула её под мышку. Фрол Прокофьевич водрузил мне на нос леопардовые очки, и мы снова застыли перед зеркалом.

– Роскошно! – восхищённо выдохнула я.

– Просто классика, – констатировал он. – Кто теперь скажет, что вы упали с третьего этажа?

– Да, теперь это даже трудно предположить. Щёк и фингалов не видно, а остальное прекрасно сохранилось. Я довольна.

– Но опять чего-то не хватает, – озабоченно проворчал Фрол Прокофьевич. – А! Понял! Локона на лбу!

– Точно! И губной помады.

Фрол Прокофьевич опешил:

– Зачем на лбу губная помада?

– Губная помада не на лбу, а на губах, – пояснила я. – И пудру на нос не помешает.

В одно мгновение я напудрила нос, подрисовала губы и плойкой сделала из чёлки локоны. И вновь застыла перед зеркалом, безмерно любуясь собой.

– Фантастика! – воскликнул Фрол Прокофьевич и рухнул на кровать, которая жалобно под ним заскрипела. – Фантастика! Это должны увидеть все!

Я же, глядя на себя, дар речи вовсе потеряла и издавала одни лишь междометия, поахивая, постанывая и даже повизгивая от удовольствия.

В какой-то миг мне показалось, что кто-то стоит за дверью, но разве мне было до этого?

– Все! Это решает все! Умоляю! Соглашайтесь! – с жаром воскликнул Фрол Прокофьевич, нещадно скрипя кроватью. – Я больше не могу! Это так неподражаемо! Вы должны! Вы должны...

– Нет, – прервала его я. – Не смогу решиться. Не просите, не смогу, к тому же у меня муж. Как он на это посмотрит?

– Но при чем здесь муж? Соня, как же? Я так хочу вам сделать приятно! – окончательно разволновался Фрол Прокофьевич, нервно ёрзая на кровати.

«Боже, как она скрипит! – подумала я. – Матрасы совсем разболтались.»

– Ну что мне, на колени что ли стать? – в отчаянии спросил Фрол Прокофьевич и пригрозил: – Сейчас стану, если вы не согласитесь.

– Согласна, – ответила я и с визгом бросилась его целовать.

Он на кровати, конечно, сидел, но когда я на него прыгнула, он упал, и мы оба, ужасно скрипя, покатались – кровать широкая, слава богу было куда. И в это время распахнулась дверь, и на пороге вырос мой Евгений. Я испугалась, вскочила, одёргивая юбку и готовясь буквально ко всему. Фрол Прокофьевич тоже изрядно струхнул и с бормотанием «простите, простите» начал поправлять покрывало. Однако, произошло чудо: мой Евгений, смущаясь не меньше нашего, пролепетал «извините» и закрыл дверь спальни с другой стороны.

«Он меня не узнал!» – обрадовалась я.

Словно в подтверждение моих слов, Евгений сквозь едва приоткрытую дверь заглянул в спальню опять и спросил:

– Простите, а Соня где?

– Да вот же я! – с дуру завопила я.

Евгений тут же вошёл.

– Фрол Прокофьевич подарил мне вот эту шляпу, – принялась оправдываться я, не подозревая, что все выглядит ещё более двусмысленно, чем мне представлялось, – надо же было его поблагодарить, вот я и бросилась...

– Все ясно, – мрачней сказал Евгений и, хлопнув дверью, вышел.

– Надеюсь, он не подумал ничего такого? – озабоченно спросил Фрол Прокофьевич, делая игривое движение рукой.

– Я тоже надеюсь, – ответила я и случайно глянула на себя в зеркало.

Впрочем, «случайно» здесь не подходит. Мой взгляд притягивало туда, словно магнитом. Я глянула и горе, как рукой сняло.

– Как меняет человека одежда, – восхитилась я. – Только что была жуткая образина, сверзнувшаяся с третьего этажа, и вот уже вам красавица с обложки журнала. Просто блеск!

– Только скажите мне после этого, что не пойдёте на мой день рождения, – шутливо пригрозил Фрол Прокофьевич.

Я посмотрела на него с тем подозрением, которое должно бы было возникнуть ещё тогда, когда он попросил меня снять халат.

– А что это вы так суетитесь? – спросила я. – Притащили, вон, шляпу, наряжаете меня...

Фрол Прокофьевич мгновенно посерьёзнел и заявил:

– Вы должны спасти мне жизнь!

– Жизнь? – изумилась я. – За шляпу?

– Соня, я всего лишь прошу вас решиться стать моей женой! – на одном дыхании выпалил Фрол Прокофьевич и нервно хихикнул. – Спасайте меня!

«Сон в руку! – подумала я. – Но как же Евгений? Я уже дала ему такие надежды!»

– Женой? – усмехнулась я. – Если память мне не изменяет, таким образом вас спасали уже пять человек, начиная с моей Тamarки.

– Да, но вас я прошу понарошку. Вам придётся всего лишь притвориться, что вы стали моей женой. Понимаете? Не по-настоящему.

– Это обидно! – возмутилась я. – Чем я хуже Тamarки или этой, вашей второй... Господи, как же её?

– Зинаиды, – вежливо подсказал Фрол Прокофьевич.

– Вот именно, Зинаиды! Зинки-пензючки! Чем я хуже? У неё на голове три волосины и те пожеванные! Лысая! Лысая!

– Ну что вы, Сонечка, – с укором произнёс Фрол Прокофьевич. – У Зиночки роскошная шевелюра, а лысый – это её парик. Она не любит тратить время на причёску.

– Ха! Хуже этого парика нет на свете причёски! Ха! Она не любит тратить время на причёску! Что я слышу? Можно подумать, она это, высвобожденное с помощью лысого парика время расходует с большой пользой! Тратит его на тараканов!

– Но она же энтомолог, – с благоговением напомнил Фрол Прокофьевич.

Я подбоченилась:

– Ха! Энтомолог! Разводит тараканов! У меня тоже есть такой энтомолог, за стенкой живёт и регулярно снабжает меня тараканами. Старая дева, могу познакомить. Кстати, на ней вы не хотите жениться?

Фрол Прокофьевич замахал на меня руками.

– Соня, Соня, вы напрасно обижаетесь. Я равнодушен был к вам с ранней юности, просто удивительно, что я на вас не женился.

Я воспряла:

– Да? Это правда? Вы были равнодушны?

– Могу сказать, что немного и сейчас, – краснея, признался Фрол Прокофьевич.

– Почему же это не очень заметно?

– Тамара. Всегда мешала Тамара. Вы же так дружите, я не мог оскорбить её достоинства. Сами понимаете, ухлёстывать за подругой, это так низко...

– Только не говорите этого больше никому, – посоветовала я. – Мужчины вас поднимут на смех. Но зачем вам представлять меня своей женой?

Фрол Прокофьевич пригорюнился:

– Соня, признаюсь вам: я так больше не могу. Они жизни мне не дают, они лишают меня личной жизни. Вы только представьте: у каждой есть ключ от моей квартиры. Как только на горизонте появляется новая жена, они сразу же все тут как тут и давай меня отговаривать, а если я упущу, то давай дружить с моей женой ну и...

– И разведут обязательно, – продолжила его мысль я. – И все по-новой.

– Вы же сами знаете, – едва не плача подтвердил Фрол Прокофьевич.

Я знала, потому что после его развода с моей Тамарой неоднократно была свидетельницей тому.

– Так не давайте им ключи, или поменяйте замок, – посоветовала я.

Он покачал головой:

– Пробовал – не помогает. Сам не знаю как, но у них появляются ключи: то даст новая жена, то я сам дам, а потом забуду, то ещё какой хитростью выманят и заходят как к себе домой. Больше так продолжаться не может. Возраст у меня критический, если сейчас не вступлю в постоянный брак, потом это будет сделать невозможно. И я хочу детей! Я их ещё успею воспитать!

– Желание законное, но глупое, – сказала я, вспоминая своего сынишку Саньку, отправленного в санаторий на море с бабой Раей. – А почему вы остановили свой выбор на мне?

– Ну как же? Вы самый активный человек, из всех моих знакомых, – вдохновенно поведал Фрол Прокофьевич. – Порой мне кажется, что вам все по плечу.

Признаться, я не ожидала и даже не знала как относиться к подобному высказыванию – на комплимент это было не слишком похоже.

– В качестве моей жены вы быстро отводите всех моих бывших жён, и я смогу, наконец-таки, жить спокойно, без этих советов и рекомендаций.

– Тогда вам лучше остановить свой выбор на Марусе, – сказала я, предвидя большие затруднения.

– На Марусе? Почему на Марусе?

– Маруся огромная и сильная. Ей есть, что предъявить и противопоставить вашим жёнами, а я, боюсь, не справлюсь. Все же пять человек...

– Но на Марусе я жениться не могу! – едва ли не взвыл Фрол Прокофьевич. – Маруся уже двадцать лет не разговаривает с Тамарой!

– Боюсь, что больше, но какое это может иметь значение?

– Ну как же? Тамара, женись я на Марусе, расценит это как предательство.

– Вы слишком деликатны, – заявила я. – Женись вы на Марусе, Тамара и носа к вам не покажет, а если покажет, то вмиг его лишится вместе с лицом. Маруся просто схватит её за ноги и будет долго бить головой об пол. Не думаю, что после этого у Тамары появятся возражения.

Бедного Фрола Прокофьевича от сказанного передёрнуло.

– Что вы говорите?! – объятый ужасом, закричал он. – Мою Тамару?! Об пол головой?! И после этого вы советуете мне жениться на Марусе?

– Боюсь, в противном случае то же самое произойдёт со мной. Их пятеро! Пять разъярённых баб, и все на меня! Храброй я не была никогда!

– Перестаньте, – успокоил он меня. – Вы разозлитесь, и они отступят.

– Я бы не стала на это надеяться.

– А на что бы вы стали? – заинтересовался Фрол Прокофьевич.

– На то, что останусь дома и не надо мне никаких ролей, и забирайте свою шляпу. Такой ценой она мне не нужна. Зачем мне шляпа, если вы предлагаете мне лишиться того, на чем её носят? К тому же у меня Евгений. Вы думаете ему понравится, если он узнает, что я хоть несколько часов была вашей женой?

– Ему мы не скажем.

– И не придётся. Нас опередят ваши жены. Взять хотя бы Тамарку.

– Значит вы отказываетесь? – мрачней, спросил он. – И вы не хотите ради моего счастья совершить гуманный поступок?

– Просьба слишком не гуманна. Почему бы вам не предложить мне ради вашего счастья войти в клетку с разъярёнными тиграми? – нервно рассмеялась я.

Фрол Прокофьевич весь как-то съёжился и сказал:

– Это все. Конец. Дальше жить нет смысла.

И пошёл к двери. По непонятным причинам мне стало его жалко.

– Стойте. Так и быть, согласна, – сказала я.

Зачем я только это сделала? Он упал на колени и принялся лобызать мою руку, и в это время опять вошёл мой Астров.

– Да что здесь, черт возьми, происходит! – закричал Евгений. – То я застаю вас в постели, то ещё хуже, – и он кивнул на коленопреклонённого Фрола Прокофьевича.

Я приосанилась и сказала:

– Мне только что было сделано предложение...

Фрол Прокофьевич панически дёрнул меня за руку.

– Отправиться на день рождения, – продолжила я.

Фрол Прокофьевич облегчённо вздохнул, а Евгений взбесился.

– Не ври! – зарычал он. – Я все слышал: Умоляю! Соглашайтесь! Я больше не могу! Я так хочу вам сделать приятно! – довольно удачно передразнил он Фрола Прокофьевича.

– Но это все касалось только шляпы, – пояснила я. – Я отказывалась принимать подарок.

Евгений просверлил меня глазами и спросил:

– Ты не врешь, Соня? Не хотелось бы выглядеть идиотом.

– Ну как вы можете? – встрял в разговор Фрол Прокофьевич. – Подозревать такую женщину! Да и я не мог к ней приставать в трех шагах от родного мужа, пусть ещё и не законного. Вот если бы вас не было дома, тогда бы ваши подозрения имели бы больше оснований, ну в том смысле...

– А ты молчи! – грубо прервал его Евгений. – У тебя вообще пять жён, и ты вокруг каждой крутишься. Развёл, понимаешь ли, гарем!

Я поняла, что пора принимать радикальные меры, подошла к Евгению, чмокнула его в щеку и жалобно заскулила:

– Ну, Женечка, ты зря ревнуешь, Фрол Прокофьевич всего лишь хотел пригласить меня на свой день рождения.

– И поэтому подарил тебе шляпу?

– Нет, не поэтому, шляпа – это взятка. Он просит моей помощи. Я должна принять его сторону в споре с жёнами.

Евгений испуганно взглянул на меня и спросил:

– Мало тебе лестницы? Подожди хотя бы, пока заживут эти фингалы.

– Вы зря так думаете, – снова встрял в разговор Фрол Прокофьевич. – Мои жены все интеллигентки.

– Тогда почему вы даёте взятки, чтобы от них избавиться? – поинтересовался Евгений и, уже смягчаясь, обратился ко мне:

– Но как ты пойдёшь? У тебя же лицо разбито.

– Посмотри на меня, – победоносно воскликнула я. – Разве это заметно? И потом, кода ещё мне предоставится такой случай – отправиться на день рождения в очках и шляпе? Представляешь, буду в шляпе сидеть за столом, и ни одна тварь не посмеет тыкать в меня пальцем и шипеть: «Посмотри, как эта дура вырядилась!» Наоборот, все будут мне сочувствовать и понимать, что шляпа, это вынужденная мера.

Последний аргумент Евгения усмирил.

– Хорошо, иди на свой день рождения... Кстати, чуть не забыл, Тамарка только что звонила.

– Что она хотела? – встрепелась я.

– Она сказала, что немного опоздает и слёзно просила, чтобы ты отправилась на день рождения без неё. Она подъедет позже.

– Нас это устраивает, – сказала я, ещё раз глянула на себя в зеркало и осталась чрезвычайно довольна, предвкушая завистливые страдания Тамарки.

Ну как тут не загордиться собой? На щеках «фарш», под глазами фингалы, а я иду на день рождения в это змеиное гнездо и намереваюсь свести там всех с ума!

Вот она я – из любой ситуации выйду победителем!

Но пока я глядела в зеркало, Фрол Прокофьевич глянул на часы и ужаснулся.

– Мы опаздываем! – закричал он. – Все уже собрались!

И мы выбежали из квартиры.

– Ради вас иду на жуткие подвиги, – уже в лифте сообщила я. – Надеюсь, вы будете защищать меня бесплатно, если вдруг попаду в переплёт с вашими чокнутыми жёнами.

– Буду, – заверил Фрол Прокофьевич и, подумав, добавил: – Я хороший адвокат.

Глава 4

У Фрола Прокофьевича была роскошная квартира, чуть меньше моей, но тоже чудо! Три комнаты, одна больше другой, и все в антиквариате. И сплошной уют. Могу представить с какой неохотой переселялись из этой квартиры очередные жены.

К чести Фрола Прокофьевича надо сказать, что переселялись они в новые квартиры, купленные Фролом Прокофьевичем, но что такое эти новые квартиры? Это все не то!

– Надеюсь, меня хоть сразу-то не побьют, – сказала я, скептически наблюдая какой стороной Фрол Прокофьевич пытается вставлять в скважину ключ.

– Ну что вы, Сонечка, они все милые женщины. Вы же знаете.

– Уж я-то знаю, – заверила я, – потому и спрашиваю.

– Я им сразу не скажу, а лишь когда сядем за стол, думаю, его уже накрыли.

– Ах, как начнут сейчас восторгаться моей шляпой, – порадовалась я. – И костюмом. Туфли тоже им станут поперёк горла. Но шляпа главный мой козырь! Кстати, где вы её взяли? – спросила я, уже удивляясь прочности и ключа и замка.

Фрол Прокофьевич мало что вставил ключ неправильно, так ещё и орудовал им в скважине зверски.

– Шляпу я уже несколько недель вожу в своём автомобиле, – признался он. – Это вещдок моей клиентки. Вещественное доказательство, – перевёл он.

– Так это что же получается, – завопила я, – шляпа тоже понарошку?

– Нет-нет, шляпа ей не нужна, точнее нужна только до суда, а потом можете пользоваться. Я заберу её в качестве гонорара.

– Это безобразие! – возмутилась я. – Ношенная шляпа, и вы мне её дарите! Теперь понимаю, почему вас бросают жены.

– Смею вам напомнить, проблема как раз в том, что они не хотят меня бросать, – мерзко ковыряя ключом в замке, процедил Фрол Прокофьевич.

– Что вы мучаетесь, – змеей прошипела я, жутко уязвлённая шляпой, – лучше переверните ключ другой стороной.

Но мучения Фрола Прокофьевича были прекращены, дверь открыла красавица Изабелла, третья его жена.

– Фролушка! – разлетелась с нежностями она, но, наткнувшись на меня, отпрянула и сказала: – Здравсте, проходите.

Мы прошли.

– Фролушка пришёл! – крикнула вглубь квартиры Изабелла, и все жены мгновенно слетелись.

Первой прибежала Зинаида со своим облезлым париком, прозванная по месту рождения пензючкой. Она родом из Пензы.

Зинаида хотела, как обычно, броситься на шею Фролу Прокофьевичу, но увидев меня, смутилась и украдкой что-то шепнула Изабелле.

– Не знаю, – буркнула та.

Потом прибежала Татьяна, четвёртая жена. Увидев меня, она тоже остановилась, как вкопанная, и что-то шепнула Зинаиде.

– Понятия не имею, – зло ответила Зинаида.

За Татьяной в переднике и с половником прибежала пятая жена – Полина, которая на правах самой последней жены больше всех хозяйничала в квартире. Видимо, ещё не отвыкла.

Полина тоже была не прочь облобызать Фрола Прокофьевича и тоже наткнулась на меня, не зная как себя вести.

– Это кто? – довольно громко шепнула она Татьяне.

– Даже не представляю, – промямлила та.

Следом за Полиной явилась моя Тамара, правда уже с другой стороны. Фрол Прокофьевич не обманул – входную дверь Тамара открыла своим ключом, что Фрол Прокофьевич сопроводил выразительным взглядом. Я сочувственно кивнула.

На правах самой старшей жены Тамара могла позволить себе фамильярность, поэтому не обращая внимания на меня, она закричала:

– Прокопыч, извини, я опоздала, – и она расцеловала его в обе щеки, оставляя яркие следы губной помады.

Лишь после этого она пристально оглядела меня и почти в полный голос спросила у Изабеллы, которая была к ней ближе всех:

– Что это за чучело?

Я сразу поняла, кто здесь самый опасный враг и успокоилась, потому что с Тамаркой ещё с детства научилась разбираться.

– Девочки, – закричала я, – расслабьтесь! Возможно вы ещё не знаете, но мы уже почти родственники!

– Сонька! – радостно завопила Тамарка, кидаясь ко мне на шею, что было не очень приятно, поскольку падение с лестницы сопровождалось ещё и ушибами по всему телу. – Сонька! Вот же кикимора! Очки нацепила! И шляпу! Обалдеть!

Сообразив, что это я, остальные жены последовали моему призыву и расслабились, и вздохнули с облегчением, и разулыбались, а Тамарка подбоченилась и уже властным тоном произнесла:

– Мама, ты невозможная! Так вырядиться! Ты где взяла такую шляпу? И костюмчик! Зашибись!

Фрол Прокофьевич рискнул подать голос.

– Между прочим, – сказал он, – вы собрались на мой день рождения, а не на бабские посиделки. Я есть хочу. Сядем мы за стол или нет?

– Ха! Сам опоздал, и сам же выступает! – хохотнула Тамарка.

– Сядем-сядем, – заверила Полина и повела всех на кухню.

Всех, кроме меня, Фрола Прокофьевича и Тамарки. Тамарка на правах старшей жены от кухни увивалась систематически. Мы отправились в гостиную и уселись за частично сервированный стол.

– Черт возьми какая шляпа! – под довольную улыбку Фрола Прокофьевича сообщила Тамарка. – Прокопыч, правда?

Бедняга хотел выразить своё мнение, но Тамарка его грубо оборвала:

– Да, ладно, молчи, ты все равно в этом не фига не понимаешь.

– Понимает, – вступилась я. – Ведь он её мне и подарил.

Не буду рассказывать, что стало с Тамаркой, точнее, с её глазами. Легко представить, куда они переместились. Слава богу, отреагировать она не успела, потому что «кавалькада» из жён продефилировала в комнату. У каждой жены в каждой руке было по два блюда. Блюда дружно легли на белоснежную скатерть, а жены расселись по своим местам.

Должна сказать, что готовились на день рождения Фрола Прокофьевича исключительно его нелюбимые блюда. Все, что он терпеть не мог, было там, и все настоятельно ему рекомендовалось для его же здоровья. В этом заключалась тонкая женская месть.

Несчастный Фрол Прокофьевич сидел в центре стола. По его левую руку оказалась Тамарка, по правую я. Он, обречённо вздохнув, разлил по бокалам шампанское, которое потреблять категорически не мог из-за проблем с желудком, но которое ему опять же настоятельно рекомендовали взамен коньяка и водки. Естественно, все запреты делались из самых лучших побуждений, что и толкало чувствительного Фрола Прокофьевича им следовать себе во вред.

Так, следуя запретам, он налил шампанского и в свой бокал, после чего по традиции первым сказал речь. Я думала, что он скажет о нашем решении, ну о том, что мы собрались пожениться, и напряглась, но он лишь выразил своё удовлетворение тем, что согласно традиции в этот знаменательный день про него не забыли и, как обычно, окружили заботой и любовью.

Когда речь закончилась, все дружно зааплодировали с криками «молоток!».

– Так выпьем за нашего драгоценного Прокопыча! – гаркнула Тамарка и осушила свой бокал стоя.

Остальные последовали её примеру. Я решила, что для меня это лишнее и на правах невесты осталась сидеть.

После этого первого торжественного бокала все жены, не стовариваясь, дружно предпочли водочку. Фрол Прокофьевич, как обычно, несколько раз робко порывался тоже перейти на водочку, но его сурово одёргивали всей семьёй. Он виновато смирялся, понимая, как пекутся о его здоровье. Не желая расстраивать жён, он продолжал пить шампанское, вконец расстраивая свой желудок.

Когда после первой закусили, понеслись традиционные тосты, которые из года в год повторялись с удивительной монотонностью. Как обычно, начинала поздравления последняя жена – Полина, так сказать в обратном порядке.

Полина, если не слишком придирается, самый подходящий экземпляр для брака. Мало того, что она обожала развешивать тряпки по всей квартире: шторы, ковры, скатёрочки и салфеточки, она маниакально любила тереть полы и кастрюли и умела за одну минуту уговорить мужа сделать то, что он не способен сделать по своей природе.

К тому же Полина была помешана на сексе. Не знаю, как это проявлялось в постели, но в частной беседе ей равных не было. К всеобщему удивлению, Полина прекрасно управлялась не только с мужем, но и с автомобилем. Она была прекрасным водителем и отлично знала нутро своего «Форда».

Внешне Полина была воплощением уюта – этаким милый розовый поросёночек, круглый от бёдер до ногтей и невероятно симпатичный.

Кстати, круглым у Полины был даже голос. Казалось, он выкатывается из её круглого рта. Правда, до тех пор, пока Полина не занервничает или не разволнуется, тогда голос тут же поднимается до писка. Люди со слабыми нервами в её присутствии просто страдают, мне же это – тьфу! Мне хоть ножом по тарелке, я и ухом не поведу. Впрочем, к сожалению, я не о себе, а о Полине.

Как большинство склонных к браку женщин, Полина глупа. Основное доказательство тому то, что она ушла от Фрола Прокофьевича.

– Фросик, – рыдающим голосом сказала Полина, – уже год прошёл, как мы расстались, но не высыхает от слез моя подушка...

– Вот брешет, зараза, – гаркнула мне через Фрола Прокофьевича Тамарка, – через месяц выскочила замуж. Теперь нового мужа пытается хохляцким борщом.

Свою речь Полина закончила торжественным преподнесением подарка, под звуки «пам-пампам», исполняемые своими коллегами.

Должна сказать, что темпераментная Полина сразила всех – она подарила секс-набор сумасшедшей стоимости. Чего там только не было, начиная от искусственного члена и заканчивая золотыми шариками, из которых некоторые русские женщины уже приспособились делать роскошные бусы.

Жены повскакивали со своих мест и сбежались на набор. Пока Фрол Прокофьевич корчился как от зубной боли, они обстоятельно обсудили каждый предмет, выразив своё восхищение зарубежной индустрией.

– Что это значит? – деловито поинтересовалась Тамарка, с неохотой передавая набор любопытной Изабелле. – Какой ты, Поля, вкладываешь в это смысл? – и она кивнула на крамольно-красный член, которым уже вооружилась Изабелла.

Полина пожалала плечами:

– Никакого, самой не довелось, так пускай хоть другие попользуются.

– Вот и пользовалась бы со своим новым мужем, возмутилась Тамарка, – а теперь этот член ты вынуждена будешь дарить каждый год. Ты что, забыла традицию?

– Что ж, если надо, так буду, – смиренно ответила Полина.

Услышав это, Фрол Прокофьевич побледнел и с надеждой взглянул на меня. Я энергичным кивком его приободрила.

Второй выступила Татьяна – четвёртая жена. Татьяна имела все свойства пластыря: и защитит, и от микробов спасёт, и от белого света прикроет и по доброй воле не отстанет. Эти свои качества она сочетала с простотой, грубоватостью и оптимизмом. Внешне Татьяна была хороша – румяна, курноса, синеглаза, но лично меня поражала её фигура: на невероятно узких бёдрах без всякого перехода сидела необъятная грудь, и все это при высоком росте. Такое впечатление, что удав проглотил два громадных арбуза, которые застряли чуть ниже его головы. Видимо, поэтому Татьяна слегка басила.

Тосты Татьяны всегда были оптимистичны.

– Фрока, пять лет прошло как мы расстались, а ты все такой же молодой и здоровый...

– Представляю, какой бы он был, если бы они не расстались, – прежним способом, через Фрола Прокофьевича сообщила мне Тамарка. – Еле её от него оттащили, вцепилась, как зараза. Сдавал, бедняга, на глазах. На десять кэгэ похудел. Она же хуже бациллы.

– Помню-помню, – заверила я.

Как и Полина, Татьяна закончила свою речь преподнесением подарка. Со словами: «Дай бог тебе того, чего из меня не вышло,» – она подарила Фролу Прокофьевичу чудесный набор для младенца: пелёнки, ползунки, бутылочки и погремушки. Каждый год Фрол Прокофьевич почему-то особенно мучительно переживал именно этот подарок. Простоватая на вид Татьяна, оказалась самой ядовитой змеей.

Заметив, как побледнел Фрол Прокофьевич и как беспомощно забегали его глаза, я сочла нужным приободрить его ещё одним энергичным кивком.

Третьей выступила красавица Изабелла, третья жена. Изабелла была безупречна. Армянская кровь дала ей краски, славянская – способность к выживанию в катаклизмах, создаваемых ею же собой. Чрезмерное любопытство Изабеллы прекрасно сочеталось с её умением распространять полученную информацию в считанные секунды. И все вышеперечисленное дополняло то качество, которое в народе получило определение «слаба на передок». Как раз в этом качестве Изабелла и не сошлась с Фролом Прокофьевичем, что закончилось потрясающим разводом. Мы с Тамаркой испытали незабываемые ощущения и довольны по сей день.

– Фролушка, – запела Изабелла, – прошло девять лет, как мы расстались, я поменяла четырех мужей, но лучше тебя так и не нашла. Я не изменяла тебе, Фролушка, не изменяла, поверь! – внезапно вскрикнула она и вполне натурально зарыдала.

– Сколько можно, – опять прокомментировала мне Тамарка. – Девять лет безбожно врать. Не хочет никак смириться с тем, что она единственная среди нас, кого бросил сам Прокопыч.

Потом Изабелла взяла себя в руки, вытерла слезы со своего прекрасного лица и произнесла свою обычную речь, после чего подарила свой обычный подарок – картину под названием «Неожиданный приезд мужа».

– Известный арбатский художник Синяков, – с гордостью сообщила она.

Жены взорвались аплодисментами. Фрол Прокофьевич был близок к апоплексическому удару. Я вынуждена была приободрить его ещё одним кивком.

Четвёртой выступала Зинаида, вторая жена. Зинаида была похожа на ту стену, которую расписал гениальный художник и которую тут же покрыли тусклой водоэмульсионной краской. Если эту краску смыть, все ахнут и восхитятся. Если с Зинаиды снять её ужасный парик, кошмарные очки и бесформенное платье, то сразу станет ясно, что в ней в своё время находил Фрол Прокофьевич, когда-то давно, когда она только что приехала из Пензы.

Я проницательна и, впервые увидев Зинаиду, сразу поняла что в ней могут найти мужчины. Кстати, сама Зинаида по этому вопросу пребывает в недоумении и по сию пору. Думаю, Зинаида покрыта этой пресловутой водоэмульсионной краской не только снаружи, но и изнутри. Низкая самооценка Зинаиды – плод воспитания – всегда давала о себе знать весьма причудливо, что повышало нервозность самой Зинаиды и вызывало панику у окружающих.

Зинаида, как обычно, заготовила бумажку, которую предварительно выложила на стол перед собой. Смущаясь, она долго молчала, потом натянула на лоб постоянно сползающий парик и, подслеповато глядя в свою бумажку, медленно и едва ли не по слогам забубнила:

– Весной... они... активно... размножаются...

– А она снова нам про своих тараканов! – возмущённо прервала её Тамарка. – Можешь ты хоть раз в жизни не по бумажке сказать?

– Ой, девочки, – окончательно смутилась Зинаида, – я не то взяла.

– Что – девочки? – ещё больше возмутилась Тамарка на правах старшей жены. – Ты кого пришла поздравлять? Мужа или девочек?

– Мужа, – промямлила Зинаида.

– Так поздравляй! – хором закричали жены.

И Зинаида кое-как, путаясь и смущаясь, поздравила, как обычно испросив прощение за то, что недостаточно была внимательна к Фролу Прокофьевичу в своё время, и слишком много занималась наукой, то бишь тараканами.

– Теперь я готова руки тебе лизать, но поезд ушёл, – неожиданно откровенно призналась она, чем привела остальных в смущение.

На мой взгляд, все готовы были лизать ему руки, но так прямо об этом сказать не могли.

– Пусть лижет руки своим тараканам, – крикнула мне Тамарка. – Совсем Зинка-пензючка с ума сошла!

Зинаида подарила Фролу Прокофьевичу Полный энтомологический словарь на молдавском языке, которого тот не знал от роду. Таких словарей у него уже была целая библиотека – это единственное, от чего отказывались официанты. Интересно, что он будет делать с секс-набором? Неужели и его потащит своим официантам? Те только рады будут.

Фрол Прокофьевич с вежливой улыбкой принял очередной словарь, (между прочим, уже мог бы и выучить молдавский) и трибуну предоставили первой жене, то есть моей Тамарке.

О Тамарке могу сказать всего несколько слов: она моя подруга и, думаю, этим сказано все. Тамарка красива, как и все мои подруги, деятельна и сокрушительна. Она умеет поймать за хвост свою птицу-счастье, но тут же открутит ей голову. Уверена, то же произойдёт с легендарным конём, которого, безусловно, Тамарка легко на скаку остановит. Что касается горячей избы, то туда Тамарка не только бесстрашно войдёт, но даже успеет выйти, прихватив все, для неё интерес представляющее.

Кстати изб этих она и сама подожгла немало. В общем, Тамарка настоящая русская баба, со всеми присущими русской бабе недостатками, которые иностранцы доверчиво принимают за достоинства.

Приосанившись, встала она и обвела присутствующих строгим взглядом. Все замолчали.

– Прокопыч! – пламенно начала Тамарка. – Мы все, здесь собравшиеся, знаем тебя и вдоль и поперёк, и каждая скажет: хороший ты мужик, Прокопыч! Больше бы таких мужиков! Чтобы всем хватало! Чтобы не передавать тебя одного из рук в руки! И я так думаю, что там, за нами, ещё приличная собралась толпа несчастных баб, которым требуется твоё тепло. И что

характерно, Прокопыч, не учится на чужих ошибках народ. Не учится! Вот я. Пострадала, глупостей наделала, такого мужика потеряла и что? Зинка, зная это, повторила все мои подвиги, а следом за ней и Белка.

Зинка и Белка удручённо закивали. Тамарка с презрительным осуждением посмотрела на них и продолжила:

– Прокопыч, дорогой ты наш муж! Любимый! Драгоценный! Нет человека умней тебя, добрей, красивей! Твоя тонко чувствующая душа немало от женской жестокости пострадала, и страх меня берет сколько пострадает ещё. Когда же ты возьмёшься за ум, Прокопыч? – с чувством спросила Тамарка. – Когда поймёшь, что нет у тебя дороже баб, чем все, здесь собравшиеся? Когда прекратишь ты ставить эти свои дурацкие эксперименты? Короче, Прокопыч, откажись от ненужных исканий и заживём по-хорошему.

Дальше в течении сорока минут шли призывы на ту же тему. Когда Тамарка выдохлась, все выпили, закусили, и она подарила белую рубашку, которую мы купили накануне.

После этого обычно события развивались в известном порядке: Фрол Прокофьевич выступал с ответным словом, униженно благодарил собравшихся, изумлялся как терпят они его, такого несносного, и поражался тому, что его не бросают. Следовали клятвенные заверения в том, что в ближайшие годы он постарается исправиться и будет жить в дальнейшем лишь по указке своих святейших супружниц, чего в принципе они много лет и добивались.

Затем жены, друг дружку перебивая, интенсивно песочили его на все лады. Это происходило часа два. Столько же Фрол Прокофьевич каялся. Закончив экзекуцию, жены напрочь о нем забывали и принимались за обсуждение своих проблем...

Обычные посиделки близких подруг, дружных давно и не имеющих друг от друга секретов. Здесь поднимались разнообразные темы: их настоящие мужья, привычки этих мужей, их недостатки и, реже, достоинства. Шмотки, сплетни были тоже предметами большого интереса. Были и громкие песни, в основном лирическая тема, реже патриотическая. Порой, если сильно перебирали, пускались и в пляс.

Все это обязательно продолжалось до утра под активное употребление алкоголя. То, как Фрол Прокофьевич отправлялся спать, обычно оставалось незамеченным.

Само собой, что к утру подгулявшие жены входили в раж и зверски кидались друг на друга где с кулаками, а где и с подручными предметами, чем своего общего мужа и будили.

Он вскакивал и бросался их разнимать.

Дальше шли слезы и упрёки: «Почему ты защищаешь её? Почему не защищаешь меня?»

Вой стоял на всю квартиру. Ревели все, кроме меня и Фрола Прокофьевича. Я не ревела потому, что мне было глубоко плевать, а Фрол Прокофьевич – потому что не имел такой возможности – он был близок к потере чувств и со сна ещё плохо соображал. Думаю, он ревел после нашего ухода, когда начинал мыть ту посуду, которую мы, конечно же, оставляли ему в самом непотребном виде. Но слез его не видел никто.

Естественно, и на этот раз все были уверены, что день рождения пройдёт по привычному сценарию, но все вышло не так.

Как обычно, Фрол Прокофьевич взял слово и... сказал совсем не то, что ожидалось. Речь его, несмотря на непривычную краткость, буквально парализовала окружающих. Даже меня.

– Дорогие мои жены, – торжественно начал он. – Безмерно вам благодарен за вашу ласку, тепло и доброту. Настала очередь вам отдохнуть, потому что теперь я окончательно женюсь вот на этой прекрасной женщине, вашей подруге Соне, – и он показал на меня.

Воцарилось молчание. И в этой крошечной тишине раздалось глупое хихиканье Зинки-пензючки.

– Он шутит, – сказала она и зашлась смехом.

Следом за ней засмеялись остальные. Больше всех ржала моя Тамарка. Я приготовилась к драке, а потому разозлилась и сказала:

– А что вы ржёте? Что тут смешного, если мы с Фрысиком решили пожениться?

– Да-да, – поддержал меня Фрол Прокофьевич. – На этот раз все получилось особенно удачно. Обычно вы сдруживались после нашего развода или перед ним, а Соню вы знаете уже до того, как мы поженились. Большой прогресс.

Его оптимизм не передался никому.

– Они шутят! – истерично закричала Полина.

– Конечно шутят! – вторила ей Изабелла. – Шутят! Шутят!

– Нет, не шутят, – вынесла приговор Тамарка. – Он подарил ей эту шляпу.

Все с ненавистью уставились на мою шляпу.

– Да, – храбро признался Фрол Прокофьевич.

– Сволочь! Сволочь! – вскрикнула Полина и выскочила из комнаты.

– Вот же урод! – прошипела Татьяна и вышла следом.

– Зря радуешься! – зло пропела Изабелла и выплыла за подругами.

– Это! Это! – зеленея от гнева, взвизгнула Зинка-пензючка и побежала за Изабеллой.

У двери она нашла нужное слово и, надернув на лоб сползающий с неё парик, выкрикнула:

– Безобразие!

Тамарка с минуту посидела в задумчивости, потом тоже поднялась из-за стола, с негодованием посмотрела на меня, на Фрола Прокофьевича и рявкнула:

– Старый тупой козёл и ободранная вонючая ехидна!

Никогда она меня так не обижала.

– Только что ты утверждала, что нет его умней и красивей, – крикнула ей вслед я.

Тамарка вышла из комнаты как сомнамбула, даже не вступив со мной в диалог.

Я и Фрол Прокофьевич остались за столом одни.

Глава 5

Без жён в комнате сразу посвежело.

Мы сидели молча. Фрол Прокофьевич выглядел растерянным. Я наслаждалась.

– Боже, как они над вами издеваются! – наконец поразила я.

– Но это же происходит каждый год, – напомнил Фрол Прокофьевич.

– Да, но раньше мне это казалось в порядке вещей, а теперь, когда я вошла в роль невесты, подобное издевательство над моих женихом мне кажется вершиной нахальства.

Фрол Прокофьевич трогательно заморгал глазами, как ребёнок, который собирается заплакать.

– Сонечка, это утомительно, – признался он, – и ужасней всего то, что они катастрофически прибывают. Их уже пять. Как появилась пятая, я даже не заметил, хотя долго не решался и думать о пятом браке: ведь с каждым разом сопротивление становилось все ожесточённой. Мне уже трудно справляться.

– Естественно, они берут количеством. Вы просто герой, – искренне восхитилась я. – Поражаюсь, как вы ещё умудряетесь не наложить на себя руки. В такой обстановке и до петли недалеко. Они приходят, отводят на вас свою грязную душу и отправляются ублажать своих новых мужей. А вы опять один, и им на это плевать. Кстати, у вас уже есть на примете очередная?

Фрол Прокофьевич испуганно замахал на меня руками:

– Ну что вы, Сонечка, я уже поумнел и не решусь даже думать о женитьбе, пока не избавлюсь от этого пресса. Да и какой в этом смысл? До тех пор, пока они не оставят меня в покое, все последующие жены тут же будут меня бросать и присоединяться к этой, простите, своре. По-другому я уже сказать не могу, после того как они развели меня с Полиной. Ведь какой милой она была, пока не познакомилась с Тамарой.

– Я тоже была милой, пока не познакомилась с ней, – вставила я.

– Очень хорошо вас понимаю, – усиленно закивал Фрол Прокофьевич. – И глазом моргнуть не успел, как Полина ушла к другому! К другому, но не из моей жизни. Видите, она не забыла про мой день рождения, да разве только это? Она постоянно звонит, и даже иногда приходит варить свой ужасный борщ.

– А вы не пускайте, – посоветовала я.

– Не могу. Не умею. Она плачет, переживает принял ли я лекарство, говорит, что сойдёт с ума, если не натрёт мне поясницу. У меня, видите ли, радикулит, – смущённо пожаловался он. – Это после того, как Полине пришло в голову, что мне надо заняться штангой. С тех пор и страдаю. Но это пустяки, в сравнении с тем, что приходится мне выносить, когда они ругаются со своими мужьями. А они часто ругаются. Мне приходится их успокаивать, ублажать, забрасывать советами. Столько переживаний!

– До чего же вредные бабёнки! – прониклась я, удивляясь, почему сама вовремя не присмотрелась к Фролу Прокофьевичу.

Ведь он мужчина хоть куда: и лицом и фигурой вышел, да и умом Бог не обидел, если не брать во внимание его слабость с жёнами.

«И, главное, как точно подобрались эти твари, – подумала я, – все одна под одну. И на одно лицо даже. Нашли порядочного человека и пользуются его добротой беззастенчиво. И полное отсутствие благодарности. Каждая отщипнула от него по квартире и, я уверена, до сих пор трясут его как грушу: то на это дай, то на то, иначе куда идут его гонорары? А их у него немало! Нет у этих тварей сознательности. Да таких мужиков надо ценить на вес золота!»

– Ничего, я за них возьмусь, – пообещала я. – Видели, они пулей вылетели отсюда.

Фрол Прокофьевич посмотрел на меня с восторгом и сказал:

– Не ожидал! Все получилось даже лучше, чем я предполагал! Свершилось! Теперь они оставят меня в покое!

– Не радуйтесь, – предупредила я. – Теперь они не оставят в покое меня. Куда вы думаете пошли эти змеи?

– Куда?

– Сдавать друг другу яд. Скоро они вернутся, и мало нам не покажется. Вы ещё прощение у них просить будете и с позором изгоните меня.

И Фрол Прокофьевич, бия себя в грудь кулаком мне поклялся, что никогда не произойдёт такого.

– Что бы ни было, я устою, – пообещал он. – Ведь у меня же теперь и перед вами обязательства.

– Вот только в пылу сражения не забудьте об этом.

– Нет, конечно, не забуду!

– Хорошо, – сказала я, – тогда облегчим вашу участь и перенесём поле боя на кухню, а вы оставайтесь здесь и смотрите телевизор.

И я бесстрашно отправилась на кухню.

Боже, какой там был гвалт. Впрочем, он прекратился, как только я вошла. Не буду говорить сколько излилось на меня ненависти. Липким облаком она повисла в воздухе, но мне плевать.

– Что за истерика? – строго сказала я, изящным движением поправляя на носу свои леопардовые очки. – Уж от тебя-то, Тамарка, я не ожидала. Ты что, все ещё любишь его?

– Я его ненавижу! – процедила она. – Но и от тебя, Мама, не ожидала. Евгений, такой парень...

– Успокойся, – оборвала её я. – Разберусь без тебя. Вы вот что, девочки, поели, попили, тосты свои дурацкие произнесли и вперёд к своим мужьям, а моего оставьте в покое. И чтоб вам не было скучно, скажу: это последний день рождения, где я видела ваши отвратительные рожи. Исключая, Тамарка, тебя, – опомнилась я. – Ты можешь приходить, но уже в другом качестве – в качестве подруги. Вот так-то милые, сдавайте ключи.

Что тут началось. Визгу было, хуже чем в свинарнике. Каждая кричала о своём и никто никого не слушал. Я кричала одно:

– Не отступлюсь! Вы и мне и Фрысику надоели! Сдавайте ключи!

– Нет, – вдруг громче всех завизжала Полина, – пусть он скажет мне!

И она побежала к Фролу Прокофьевичу. Я не была уверена в его моральной устойчивости, а потому хотела бежать за ней, но все дружно на меня навалились и не пустили.

– Пусть разберётся с этим негодяем, – задыхаясь от усилий (я оказывала достойное сопротивление) прохрипела Тамарка.

Кроме неё на мне висели Татьяна и Изабелла. Зинаида, слава богу, была занята – она курила, сбивая пепел в оригинальную ловушку для тараканов, изобретённую ею самой.

Я не стояла на месте, а старалась вырваться изо всех сил, и вырвалась бы безусловно, если бы не леопардовый костюм. Я не хотела его порвать и потому была вынуждена проявлять изобретательность, вместе с тем мои обидчицы с трудом могли бы пересчитать количество тумачков, которыми я их щедро награждала. Они же, вцепившись в меня, такую возможность утратили, но и у меня были свои неудобства: я не могла повлиять на разговор Фрола Прокофьевича и Полины, а лишь слышала её отдалённый голос.

– Я на коленях тебя прошу: не делай этого! – отчаянно кричала Полина.

«Значит держится мой Фрысик,» – порадовалась я.

В конце концов зарёванная Полина вернулась, меня бросили и снова начали истошно орать.

– Зачем он тебе? Зачем? – хором интересовались жены.

– А вам зачем? – проявляла любознательность и я. – Привыкли жить на два дома! Все! Баста! Не на ту нарвались! Я разгону вашу свору!

– Нет, пусть он мне скажет! – взвизгнула Изабелла и помчалась к Фролу Прокофьевичу. Естественно я устремилась за ней, но на мне повисли Тамарка, Полина и Татьяна. Зинаида по-прежнему нервно курила, часто сбрасывая пепел в свою тараканью ловушку.

– Зачем она тебе?! – визжала Изабелла. – Ты что, лучше найти не мог? Это же чучело! Позорное чучело! Тощая, как швабра!

– Я тощая?! – радостно изумилась я, уже готовая расцеловать эту противную Изабеллу.

– Вот же сучка, – обиделась за меня Тамарка. – Что она о себе воображает?

– Спасибо, ты настоящий друг, – прошептала я.

– Ещё бы, – усмехнулась Тамарка, не выпуская меня из своих цепких лап, – любой дурак увидит, что ты жирная, как свинья.

Я уже изготовилась побольней пнуть Тамарку, но прибежала Изабелла, и мне стало не до того. Начался скандал. Жены меня обступили и без всяких оснований потребовали, чтобы я немедленно покинула эту квартиру.

Назревала потасовка. Больше всего я боялась за свою шляпу, потому что лицу уже мало что могло повредить. Костюмчик, кстати, тоже мог пострадать, и я не могла допустить этого. В общем, я решила перейти к убеждениям.

– Девочки, – сказала я, – вы все неплохо в этой жизни устроились, так чего же вам ещё не хватает? Я понимаю, что жить так очень удобно, но побойтесь бога. Он вам не простит.

– Теперь она про бога заговорила, – с беспочвенной брезгливостью гаркнула Зинка-пензючка.

– А ты вообще непонятно что здесь делаешь, – психанула я. – В своём облезлом паричке! И не прикидывайся, что не знаешь!

– Чего я не знаю? – возмутилась Зинка.

– Сама знаешь чего, – уклончиво ответила я.

– Нет уж, говори, – потребовали остальные жены.

– Того, что мой Фрысик вообще тебя никогда не любил. Ты сама ему навязалась! – на одном дыхании выпалила я, прекрасно понимая, что всем моё высказывание понравится, а с одной Зинкой-пензючкой я прекрасно справлюсь.

Однако Зинка повела себя неожиданно. Вот не зря говорят в народе, что в тихом омуте черти водятся. Наша тихоня Зинка проявила неслыханный темперамент. Она схватила огромный кухонный нож и понеслась с ним к Фролу Прокофьевичу.

– Пусть он мне скажет! – убегая, вопила она.

Я помчалась за ней. Жены уже меня не держали. Им было интересно, чем все это закончится.

Когда я ворвалась в комнату, Фрола Прокофьевича видно не было, зато Зинка, размахивая ножом как последний янычар, зачем-то полезла под стол. Я поймала её за... В общем, я её поймала и без всякого труда отобрала нож. И надавала ей затрещин, под дружное одобрение остальных жён.

Нож я положила на стол, поправила свою шляпу и тоном победителя сказала:

– Попрошу оставить меня наедине с моим Фрысиком! – и, приподняв скатерть, прикрикнула: – Фрысик, вылезай!

Фрол Прокофьевич вылез из-под стола и жалобно взмолился:

– Сонечка, а может ну его, может не надо?

– Что значит – ну его? Что значит – не надо? – озверела я.

Жены со злорадными улыбочками мгновенно выстроились в ряд, знаками давая мне понять, кто здесь лишний.

– Сонечка, прости меня, очень перед тобой виноват, но пусть лучше остаётся, как было, – ещё жалобней взмолился Фрол Прокофьевич.

Это уже было выше моих сил. То, состояние, в которое впала я, трудно поддаётся определению, но, думаю, его испытал на себе любой нормальный человек, когда-либо живавший в коммунальной квартире с одним туалетом. То есть, я буквально могла убить любого, первого, подвернувшегося под руку.

– Не-ет, – прогремела я, – так уже оставаться не может, потому что это уже не твоё, Фрысик, поражение! Это уже моё поражение, а к поражениям я не привыкла!

Тамарка, знавшая меня лучше остальных, услышав это, попятилась, я же, схватив со стола нож, кинулась сразу на всех жён.

До сих пор не пойму, как это мне удалось.

С жутким визгом они покинули комнату, а Фрол Прокофьевич снова забился под стол.

– Вот что, милый мой Фрысик, – вытащив его оттуда, заявила я. – Ты не на ту нарвался! Я искрошу сейчас здесь все в мелкую капусту, если ты в моем присутствии не скажешь своим жёнам, что больше в их обществе не нуждаешься.

– Скажу! Скажу! – замахал на меня руками Фрол Прокофьевич. – Сонечка, я все, что хочешь скажу.

И я отправилась на кухню. Жены, должна заметить, не галдели, а сидели в мрачной задумчивости. Некоторые даже дрожали.

– Идите, – рявкнула я – мой муж вас хочет видеть!

И они потянулись к нему гуськом.

Фрол Прокофьевич, увидев своих жён, сник, но заметив меня с ножом в руке за их спинами, мгновенно приосанился и скороговоркой выпалил:

– Я больше не нуждаюсь в вашем обществе.

Жены переглянулись, но из комнаты не вышли.

– Пошли вон! – гаркнула я.

Фрол Прокофьевич испуганно дёрнулся и, подумав, что он должен и это повторить, тут же промямлил:

– Пошли вон...

– Да он уже пляшет под её дудку! – зарыдала Полина и, убитая горем, вылетела из комнаты.

Остальные жены побежали за ней.

– Держитесь, – крикнула я Фрысику и побежала добивать его жён.

Когда я, воинственно размахивая ножом, вбежала в кухню, все шарахнулись в разные стороны.

– Вы поняли, кто здесь хозяин? – завопила я. – Не раздражайте меня! Тамарка знает, что было с моим первым мужем и его второй женой, которые меня раздражали!

Тамарка вся наполнилась ужасом. Жены последовали её примеру.

– Сонечка, – первой взмолилась Зинаида. – Миленькая, пожалуйста, убери этот нож.

– Ты же первая за него схватилась, – напомнила я.

– Ну правда, девчонки, что мы как дикари лаем? – миролюбиво поинтересовалась Изабелла. – Давайте по-хорошему договоримся.

– По-хорошему вы не понимаете, – огрызнулась я, но нож опустила.

– Соня, мы не правы, – неожиданно заявила Тамара. – Жалко, конечно, его терять, но ничего не поделаешь. Хватит, пора и честь знать.

– Голос разума, – поддержала её Татьяна.

И тут они все хором заговорили, какая я лапочка, как образованна и мила, как не достоин он меня, как испортит мне жизнь и так далее.

Признаться, я дрогнула под их льстивым напором. Я женщина крепкая, но в такой концентрированной лести растворится любой алмаз.

– Соня, ты ангел, ангел! – хором пели они мне.

– Пойду и скажу ему об этом, – вдруг заявила Полина.

Я и глазом моргнуть не успела, как она была уже там. Остальные меня нежно придержали, под предлогом, что все будет нормально. О, как они убеждали меня, что скоро уйдут, что все будет по-моему, вот только прояснят для себя обстановку и сразу уйдут.

За этими разговорами, убейте меня не помню, куда девался нож. Голова моя шла кругом.

Потом уже к Фролу Прокофьевичу они выбегали одна за одной.

Я ходила с ними и контролировала.

Фрол Прокофьевич, насмотревшись ужасов, не смел идти против моей воли и твердил, что решение его окончательное.

Потом все дружно навалились на меня, уговаривая не делать глупостей.

Потом снова по очереди стали бегать к нему. Затем опять убеждать меня...

Я, несмотря на лесть, стояла на своём:

– Сдавайте ключи и выметайтесь!

Когда всем стало ясно, что я не шучу, они пригорюнились.

– Ну и черт с вами, – сказала Тамарка, – что это мы тут горло дерём? Она сбежит от него уже через месяц, а он от неё ещё раньше. Все, я пошла с ним прощаться и домой.

И она вышла из кухни.

Вскоре раздался её истеричный крик.

Визжала она так, словно увидела там свежего покойника.

Мы помчались в гостиную и присоединились к Тамарке. Несложно представить, что могут изобразить шесть здоровых баб, только что потерявших любимого мужа.

Почему мы визжали?

Фрол Прокофьевич лежал на ковре в луже крови. Из его груди торчал огромный кухонный нож.

Глава 6

Зрелище было ужасно!

Передать не могу, как ужасно было зрелище. Фрол Прокофьевич лежал на коврике рядом с диваном в десяти шагах от стола, за которым начиналось все это безобразие. Он лежал в луже крови, потому что из груди его торчал огромный кухонный нож, настоящий тесак, и естественно тот самый, с которым сначала гонялась за Фролом Прокофьевичем Зинка, а потом уже и я.

Боже, как это было невероятно!

И неожиданно!

Я с трудом верила своим глазам!

Я и жены застыли на пороге, издавая душераздирающие вопли, сопровождающиеся обильными слезами. Истерика! Настоящая истерика воцарилась в наших рядах!

И паника!

Так длилось довольно долго.

Первой пришла в себя я и подумала: «Будь проклята та минута, когда я согласилась ввязаться в это мероприятие! И во всем виноват не только покойный, но и здравствующий Евгений. Зачем он меня отпустил? Я лежала бы сейчас на диване и жаловалась бы Марусе на свою бездарную жизнь, а так придётся лежать на нарах, потому что все в один голос заявит, что Фрысика убила я. Хотя на кой черт мне это надо, доказать не сможет никто.»

Я присмотрелась к Фрысику: он был бледен, нос его заострился, а под глазами пролегли чёрные круги. Вид у него был абсолютно неживой, но утопающий хватается за соломинку, и я во всеобщий вой вплела свой разумный голос.

– А вдруг эта тварь, которая всадила в него нож, его не добила? – спросила я.

Жены прекратили выть и посмотрели на Фрола Прокофьевича с весьма противоречивыми чувствами.

– Не добила? – насторожилась Татьяна.

– Думаешь, он жив? – сердито спросила Тамарка.

– Во всяком случае надо бы пощупать его пульс, – сказала я.

– Так пойди и пощупай, – предложила мне Изабелла.

Вредная она все же бабёнка.

– Вы же его жены, – напомнила я. – Мне, как видно, не судьба, – кивнула я на труп.

– Но ты же больше всех претендовала ещё каких-нибудь пять минут назад! – возмутилась Зинка-пензючка.

– Ты бы помолчала вообще, – посоветовала я, имея ввиду, что она тоже попадает в число подозреваемых.

– Нет, правда, девочки, – пропищала Полина, – надо бы пойти потрогать его. Вдруг он ещё живой, и его можно спасти, а мы тут разглагольствуем.

– Так пойди, – буркнула Татьяна, слегка подталкивая Полину к трупу.

Полина шарахнулась, и визг раздался такой, что волосы мои встали дыбом, и не только мои. У Зинаиды они вообще поднялись вместе с париком, и я увидела, что Фрысик был прав – у неё действительно оказалась роскошная шевелюра, из которой можно сделать штук пять таких париков.

Объятая ужасом Полина выскочила из комнаты и понеслась на кухню. Остальные поддались её настроению, и проделали то же самое.

Столпившись на кухне и шумно дыша, мы растерянно переглядывались, не зная, что предпринять. Всем уже было не до слез.

– Надо что-то делать, – сказала Тамара.

– А что? – поинтересовалась я.

– Господи, что мы можем сделать? – хлюпая носом, спросила Полина.

– Ну, вызвать милицию, – принялась перебирать варианты наша учёная Зинаида.

– Милицию? – насторожилась Изабелла. – Зачем? Чем поможет нам милиция? Она же не оживит нашего Фролушку.

– Не оживит, – согласилась Зинаида. – Но что-то ведь мы должны делать. Я точно знаю, что в таких случаях всегда вызывают милицию.

– Вот ты дура! – внезапно разъярилась Тамарка, причём без всякой видимой причины.

– Сама ты дура! – вызверилась Зинаида.

Тамарка на правах самой старшей жены привыкла к уважению и опешила, но не надолго. Очень скоро она пришла в себя и завопила:

– Ах, ты насекомоведное! Ты знаешь, что я сейчас с тобой сделаю?

– Что? – бесстрашно поинтересовалась Зинка.

Татьяна неожиданно приняла сторону Тамарки и завопила:

– Давайте вызовем милицию! И скажем ей, кто убил Фроку!

Зинка затравленно посмотрела на остальных жён и спросила:

– Кто?

– Да ты же и убила! – гаркнула Тамарка. – Все видели, как ты схватила нож и помчалась его убивать. В первый раз тебе не удалось, тебя оттащила Сонька, а со второго, видимо...

Тамарка кивнула в сторону комнаты, где лежал Фрол Прокопыч с ножом в груди и закончила свою мысль:

– Вон, результат, иди, полюбуйся.

– Да не буду я любоваться ни чем, – попятилась Зинаида.

– Фросика моего убили! – неожиданно завывала Полина. – Ой, убили! Убили!

– Да это ваша Сонька и убила! – снова глядя на меня с необоснованной брезгливостью сообщила Зинаида.

Вот же мерзавка! Убить её мало! И почему это она взяла моду смотреть на меня с отвращением? С чем же тогда она глядит на себя?

Я покрутила ей у виска пальцем и шепнула:

– Глупая, нам надо держаться друг за друга, а ты собачишься.

– Зачем это нам держаться? – бестолково поинтересовалась Зинаида.

– Не «зачем», а «почему», – пояснила я. – С ножом бегали только я и ты, так что мы и есть главные подозреваемые.

Зинаида опешила:

– Ты что, серьёзно?

– А почему бы нет? – вместо меня ответила Изабелла, которая подслушала наш разговор.

– Да нет, этого не может быть, – растерялась Зинаида. – Я его убить не могла, не могла и Сонька, как любая из нас.

Тамарка от возмущения раздула щеки:

– Но ты же только что сама кричала, что Сонька убийца!

– Я просто так, не думая, – начала оправдываться Зинаида.

– Не думая! И вот такие люди идут в науку! – возмутилась Тамарка.

– А надо думать, – посоветовала Татьяна. – Ведь кто-то же его убил.

– Но не мы же, – наивно воскликнула Зинаида.

– А кто? – хором спросили жены.

Я на всякий случай промолчала.

– Здесь же кроме нас больше нет никого, – продолжила общую мысль Тамарка. – Значит убийца среди нас. Кто последний заходил к Прокопычу?

Все почему-то посмотрели на меня.

За столько лет спелись, заразы.

– Мне это невыгодно, я собиралась за него замуж, – напомнила я.

– Да нет, – поддержала меня Тамарка, – Сонька не обидит и мухи.

Все же она настоящая подруга, хоть и язва.

– Что? – возмутилась Изабелла. – Сонька не обидит и мухи?

– Могу вас заверить, – подтвердила Тамарка.

– Не надо, – зло хихикнула Татьяна, – мы уже видели как она мухи не обидит. Разбойником носилась! По всей квартире с ножом! Ужас! Всех готова была перерезать!

– Фрола убил посторонний, – успокоила всех Зинаида.

Жены с надеждой уставились на неё, но Зинаида продолжать не собиралась. Она уже, изрядно отставив свой тощий зад, нервно закуривала от газовой конфорки, свободной рукой подтягивая поближе к себе тараканью ловушку.

– Откуда ты знаешь? – спросила Изабелла.

– Пришла к этому выводу логически, – с важностью поведала Зинаида, пуская клубы дыма прямо Белке в лицо. – Если мы за столько лет не убили нашего Фрола, то почему должны его сегодня убивать? Значит здесь замешан посторонний. Фрол адвокат. Надо искать среди его клиентов. Возможно Фрол узнал что-то лишнее. Но это не наше дело, это дело милиции.

Тамарка подбоченилась:

– Умная ты наша! Если на таких, как ты, держится отечественная наука, то понятно почему мы в такой глухой жопе! Во-первых, в квартиру посторонний зайти не мог, потому что дверь закрыта изнутри, и открыть её снаружи нет никакой возможности.

Все сорвались с места и, расталкивая друг друга, помчались в прихожую смотреть на дверь, хоть и видели её сотни раз и столько же раз её открывали.

Дверь действительно была закрыта на задвижку, которую снаружи открыть не представлялось возможным. Все, в том числе и я, испугались и с огромным подозрением посмотрели друг на друга.

– А что во-вторых? – нервным шёпотом спросила у Тамарки Зинаида.

Тамарка, почувствовав себя в центре внимания, вдохновилась.

– А во-вторых, – закричала она, – у нас у всех была причина грохнуть Прокопыча!

– Что-о?! – хором закричали жены.

– У всех, кроме Соньки, – добавила Тамарка. – Сонька собиралась за него замуж, и эта смерть ей была ни к чему. Она нешуточно вознамерилась прибрать к своим загребушим рукам все имущество Прокопыча: и антиквариат, и его счета, и дачу, и машину, и саму квартиру, а расписаться не успела, поэтому ей эта смерть и не к чему.

– Да зачем мне нужно в этом дерьме мараться?! – возмутилась я. – Я же не бедная и, думаю, уж его-то побогаче!

Тамарка, не учитывая моих возражений и даже не слушая их, продолжала:

– Возможно потом, имея законную печать в паспорте, она была бы и рада его смерти, но сейчас Соньке это не выгодно.

Я фыркнула и презрительно повела плечами, всем своим видом выражая, что Тамарка глупа.

– А кому выгодно? – спросила Полина.

– Надо подумать, – сказала Тамарка. – Кто тут у нас самый умный?

Все уставились на Зинаиду.

– Правильно, – одобрила Тамарка. – Вот у насекомоведного и спросите. Она же у нас учёная, с логикой, черт её возьми, только слишком нервная.

– Не смей меня оскорблять насекомоведным! – взвизгнула Зинаида.

Тамарка развела руками, мол – что я вам говорила – псих.

Зинаида каблуком туфли гневно загасила «бычок» и промаршировала на кухню к газовой конфорке и своей тараканьей ловушке, видимо, закуривать новую сигарету. Смолила она как сапожник, даром, что кандидат наук.

Все поплелись за ней, расселись вокруг тесного стола, задумались.

– Выпить бы, – рассеянно глядя по сторонам, сказала Татьяна и провела рукой по своей необъятной груди.

– И водка и рюмки в той комнате, – напомнила Полина. – Я туда не пойду.

– Инициатива наказуема, – ядовито заметила Изабелла, хотя сама всегда была не дура выпить.

– Зинка, может ты сходишь? – спросила Татьяна. – Ты у нас ближе всех к трупам, всякими там опытами занимаешься.

– К таким трупам и ты близка, – ответила Зинаида, – или ты никогда не убивали мух и комаров?

– Ясно, – вздохнула Татьяна и с вопросом посмотрела на Тamarку.

– С ума сошла? – возмутилась та. – Я покойников ужасно боюсь!

– Не вздумайте просить меня, – на всякий случай предупредила я. – Меня алкоголь не интересует. Кто пьёт, пусть тот и ходит.

– Ладно, я и пойду, – сдалась Татьяна.

И она пошла. На кухне воцарилась тишина. Все поддались влиянию Зинаиды и нервно закурили.

Я смотрела на этих бездарных жён и удивлялась тому, что не было видно с их стороны таких уж сильных переживаний. Повизжали немного от страха и успокоились. И, похоже, больше убиваться никто не собирается. Зачем же тогда голову мне морочили? Значит он им был нужен только живой, а чувства? Чувств нет. Никаких. Очень утилитарное отношение.

Постукивая рюмками о бутылку, вернулась Татьяна.

– Я выключила там свет, – сообщила она.

– Зачем? – удивилась Полина.

– Чтобы не смотреть на труп, – разозлилась Татьяна. – Думаешь приятное зрелище? Тогда пойдй погляди! Рюмок мало, на всех не хватит, будем пить по очереди. Я первая.

– Почему мало? – спросила Изабелла.

– Потому, что вас слишком много, – огрызнулась Татьяна, налила водки и тут же залпом её опрокинула в свой широкий рот.

Остальные, исключая меня, сделали то же самое.

– Давай и ты, – предложила мне Тamarка.

Я покачала головой.

– Выделяется, – не одобрила Татьяна. – Целочку из себя строит.

Все злобно уставились на меня.

– Лучше подумайте, что будем делать, – сказала я, поворачиваясь к ним задом и, пользуясь приёмом Зинаиды, от конфорки закуривая сигарету.

Всем своим видом я старалась показать, что мне на них плевать.

Тamarка встрепелась:

– Девочки, поскольку абсолютно точно установлено, что убийца среди нас, надо придти к какому-то знаменателю.

– А кто приходит-то будет? – спросила Татьяна.

– Я бы порекомендовала Соньку, – предложила Тamarка, за что я никак не могла ей сказать спасибо.

– Соньку? – удивилась Зинаида, которая наверняка думала, что все начнут уговаривать её, как самого учёного и образованного среди нас человека с гипертрофированной логикой.

– А почему это Соньку? – поддержала Зинаиду Полина. – Чем она лучше других? Тем, что умеет носиться по квартире с ножом?

– Тем, что у неё уже есть опыт в раскрытии таких преступлений, – пояснила Тамарка.

Жены уставились на меня с некоторым интересом. Я тоже смотрела на них во все глаза, но их взгляды были так насторожены и недоброжелательны, что сделать какой-либо вывод я не могла, а ведь кто-то из них зарезал Фрола Прокофьевича, но по их лицам это было совсем незаметно.

– У Соньки есть опыт, так что лучше бы нам положиться на неё, – сказала Тамарка. – Во всяком случае других вариантов я не вижу. Если кто видит, предлагайте, обсудим.

Предложений не последовало.

– Приступай, Мама, – скомандовала Тамарка.

И я приступила.

Глава 7

Обожаю наводить порядок, особенно люблю влажную уборку, поэтому я решила с этого и начать. Не с влажной уборки, конечно, но с порядка.

– Учитывая, что здесь собрались одни женщины, – строго сказала я, – предвижу хаос и большие волнения, во избежание которых нам надо определиться с регламентом. Возражения будут?

Возражений не нашлось, все согласились:

– Определяйся.

И я начала определяться.

– Первым делом, – сказала я, – все должны дать клятву не говорить хором.

– Даём, – вяло откликнулись жены.

– А так же, – продолжила я, – отвечать на вопросы коротко и по существу. Это в ваших силах?

– В наших, – согласились жены.

Они явно себя переоценивали, но я придираюсь не стала.

– Тогда поехали, – с оптимизмом воскликнула я и задумалась.

Результат моих раздумий был неутешителен. Прошло достаточно много времени с тех пор, как мы обнаружили тело уже покойного Фрола Прокофьевича, а, кроме болтовни, никаких мер не было принято. Мне показалось очень странным то, что до сих пор здесь нет милиции.

– А почему бы нам не вызвать милицию? – спросила я. – Пока ещё не поздно, и мы можем объяснить свою заминку тем, что просто его не заметили. Сидели на кухне, курили, заболтались, а когда зашли в комнату, он уже труп. Ну, сразу, мол, и позвонили.

Все почему-то остолбенели, словно поверить своим ушам не могли.

– Что она говорит? – наконец возмутилась Татьяна. – Не сошла ли она с ума?

– Это вы сошли с ума! – закричала я. – Ваш муж убит, а вы не шьёте, не куёте и не мелете. Скрыть его смерть невозможно. Как вы потом будете объяснять, почему не вызвали милицию?

– А почему это нельзя скрыть его смерть? – неожиданно заявила Изабелла. – Давайте завернём Фролушку в тот ковёр, на котором он лежит, и незаметно вынесем его из квартиры.

Все тупо уставились на неё, не зная, как к этому относиться: как к шутке или как к деловому предложению.

– И что дальше? – скептически поинтересовалась я, ничуть не радуясь этой идее.

– Отвезём на его же дачу, там и похороним, – пожала плечами Изабелла, мол так все элементарно, а вы тут голову ломаете.

Все задумались.

– Точно, – обрадовалась Татьяна, – а потом вернёмся и поровну разделим все его добро. Соньке, так и быть, тоже нарежем долю.

– А потом разойдёмся по домам, и сделаем вид, что ничего не знаем, – развила тему ещё дальше Полина. – Кроме нас, у него никого нет. Родители умерли, а сослуживцы откуда знают сколько здесь было антиквариата? Может он продал все давно.

– Да кого это волнует, – возмутилась Зинаида. – Будут ещё какие-то сослуживцы лезть в наши дела. Ведь тело-то не найдено, следовательно и убийства нет. Хватятся его, думаю, не раньше, чем через три дня. Начнут искать, а мы все и скажем, что последний раз видели его на его же дне рождения.

– Нет, – не одобрила Тамарка. – Лучше сказать, что после дня рождения мы разговаривали с ним по телефону, и он собирался куда-то уезжать.

– Так и скажем! – обрадовалась Изабелла. – Пусть думают, что он уехал и не вернулся, следовательно пропал без вести.

– А для достоверности, – деловито подсказала Тамарка, – нужно взять его паспорт и купить билет на поезд. Вдруг начнут проверять, а все сходится: билет покупал, значит уехал.

– Эх, черт возьми! – с болью воскликнула Полина. – Жалко квартира пропадёт! Добро-то мы разделим, а вот дача, машина и квартира – все пропадёт.

– Не пропадёт, а государству достанется, – вставила Зинаида.

– Это ещё хуже, чем пропадёт, – горестно констатировала Татьяна.

Тамарка радостно хлопнула себя по лбу, давая всем понять, что к ней пришла гениальная мысль.

– А почему, собственно, все наше добро должно пропадать государству? – возмутилась она. – Мы же можем им распоряжаться и сами. Квартиру можно сдавать и получать приличные деньги. Дачу тоже можно сдавать, а на машину у всех у нас есть доверенность. Просто будем на ней ездить и все.

– А разве так можно? – усомнилась глуповатая Полина. – Нас за эту, за жопу не возьмут? Зинаида от её слов так озверела, чуть дымом не поперхнулась.

– А почему это нас должны за что-нибудь брать? – закричала она. – По какому праву? Все мы жены, это наше добро, а то, что Фрол так неожиданно приставился, это наше общее горе. Никто из нас не виноват.

Тамарка удовлетворённо кивнула, мол дело говоришь.

– У них и причин не будет брать нас, – деловито сказала она. – Все мы здесь часто бываем, соседи знают, поэтому никто не удивится, если мы тут и дальше хозяйничать будем. А что касается дачи и машины, то здесь может возмутиться лишь сам Прокопыч, а он, увы, уже ничему возмутиться не может.

– Правильно, – поддержала её Татьяна. – На работе шум поднимать не станут. Знаю я этих адвокатов, горло перегрызут за выгодного клиента. А у Фроки были одни выгодные.

– Его коллеги только обрадуются, если он выпадет из гонки за гонорами, – вставила Зинаида.

– Ну, а раз сами мы заявлять в милицию не собираемся, значит все в порядке, – подытожила Тамарка. – Так тому и быть. Давайте кидать жребий, кто Прокопыча в ковёр пойдёт пеленать.

Как у них все просто!

Я смотрела на них и не верила своим глазам, они ли это? Первое время я сдуру думала, что эти змеи шутят, но когда дело дошло до дачи и машины, поняла – нет, не шутят. Дай им волю, именно так они и поступят, как здесь сейчас разрисовали.

Но я им эту волю давать не собиралась.

– Что вы тут мне буравите?! – закричала я. – Какая квартира? Какая машина? Ваш бывший муж, кровью политый лежит в той комнате, в нескольких метрах от вас, а вы делите его машину и квартиру? Люди ли вы после этого?

Не могу сказать, что я своей речью произвела благоприятное впечатление. Все смотрели на меня, как волки на отбившегося от стада ягнёнка.

– Фроку мы не оживим, – гаркнула Татьяна. – Так что же, добру пропадать?

Я посмотрела на жён и поняла, что уж они-то добру пропасть не дадут.

Ни при каких обстоятельствах.

– Что я слышу?! – воскликнула я. – Одумайтесь! Ваш муж лежит в той комнате! Убитый!

– Ой! Фросика убили! – с места в карьер истошно завывала Полина. – Фросика моего убили! Кому же я теперь буду спинку натира-ать!

– Найдёшь кому, – рявкнула Тамарка. – Нашла из-за чего убиваться. Если уж на то пошло, твой Фросик был изрядной дрянью!

Полина перестала рыдать и уставилась на Тамарку, явно желая знать почему.

– Потому что он, женившись на тебе, продолжал спать со мной! – ответила на немой вопрос Тамарка.

– И со мной! – возмущённо призналась Изабелла.

– И со мной! – завизжала Татьяна.

– Ах он сволочь! – больше всех возмутилась Зинаида и, забыв, что источник гнева уже мёртв, она истерично завопила, снова хватаясь за кухонный нож: – Я убью его! Убью!

Все шарахнулись. Нож был, конечно, гораздо меньше того, который торчал из груди покойного, но тоже выглядел весьма грозно.

– Мама, сейчас же отбери у неё нож, – приказала Тамарка.

Мне стало обидно: я что, швейцар, отбирать у всех ножи.

– Отбери сама, – сказала я. – Не шевельну и пальцем, хоть бы вы тут все себя поубивали, волчицы позорные.

Видимо от отчаяния, все дружно набросились на Зинаиду, заломили ей руки и отобрали нож.

– Спрячь его куда-нибудь, – приказала Тамарка, передавая нож Полине.

Полина с ножом выпорхнула из кухни.

Все воззрились на Зинаиду.

– Какой же он сволочь! – горестно качая головой, кричала она. – Я с ним изменяла своему мужу, я так нравственно упала, а он...

– Вот-вот, – обрадовалась я. – Упала и продолжаешь падать дальше. И до чего докатилась. Просто стыд всех вас слушать. Разве вы люди? – обратилась я уже к остальным. – Собрались заворачивать труп своего бывшего мужа в ковёр и тащить его на дачу. Просто живопыры какие-то.

– А ну-ка заткнись! – рявкнула Тамарка.

– Ты что, самая умная? – поддержала её Татьяна. – Я бы на твоём месте умничать не рискнула, – пригрозила она.

Терпеть не могу угроз. Боже, как я разозлилась.

– Ты вообще молчи, бацилла, – грозно рявкнула я. – И не вмешивайся в чужой разговор.

– Почему это чужой разговор? – удивилась Татьяна. – Мы тут все об одном.

Все же она непроходимая нахалка.

– Вы все об одном, а я о другом. Я вообще разговариваю с подругой, – заявила я и обратилась непосредственно к Тамарке. – А ты-то как на такое пойти могла? Стыд и срам!

– Ты о чем? – не поняла Тамарка.

Вот это да! Она ещё спрашивает о чем я!

– Я тебя не узнаю! – вскипела я. – Тома, ты ли это? Общипывать своего бедного Прокопыча, вместо того, чтобы искать его убийцу! Ладно эти дуры, а ты? Как могла ты пойти на такое?

– А что – я? – удивилась Тамарка, видимо не совсем подозревая о той разнице, которая существует между нею и теми дурами.

– А то, что ты слишком богата, чтобы мараться об антиквариат моего Фрысика. С твоими виллами и капиталами просто стыдно связываться с такой мелочёвкой. Позор! Просто позор!

Тамарка вскочила с места, грозно глянула на меня и подпёрла руками бока.

– Слышали, что она мне тут предлагает? – обратилась она не ко мне, а к своим коллегам. – Предлагает мне отказаться от моей доли! Поняли, что это значит? Все поняли? – и она обвела хищным взглядом окружающих.

– Это значит, что твою долю она хочет зацапать себе, – мигом сообразила Изабелла и тут же прокомментировала такое поведение: – Вот же сучка!

– Сучка! Сучка! – поддержали её остальные. – Ещё какая!

«Как тяжело разговаривать с такими алчными людьми,» – подумала я и храбро кинулась развеивать их неправильное мнение.

– Я не сучка! – закричала я. – Это вы все сучки, а мне от Фрысика ничего не надо! Вам бы очень хотелось, чтобы я приняла участие в этом мерзком дележе, но заявляю вам: не надейтесь! Этого не будет! Вы все мне противны! Тьфу!

И я сплюнула.

Все сразу как-то повеселели. Моё настроение явно понравилось.

– Почему ты думаешь, что нам очень хочется, чтобы ты приняла участие в дележе? – миролюбиво поинтересовалась Татьяна.

– Если не хочешь, не принимай, – посоветовала Изабелла.

– Действительно, зачем себя насиловать? – выразила недоумение Полина, вернувшая из глубины квартиры.

«Что-то подозрительно долго она прятала нож,» – подумала я.

– В таком случае, я возьму твою долю, – заявила Тамарка.

– А почему это ты? – возмутилась Зинаида.

– Потому, что я лучшая её подруга, – пояснила Тамарка.

Все изумились:

– Да ты что!

– Буквально минуту назад это было очень заметно! – тут уж поддержала всю компанию и я. – Но чтобы вам не было обидно, сразу скажу: делить вообще никто ничего не будет.

Дальше пошло хоровое возмущение.

– Почему?! – завопили жены.

– Потому что не позволю!

– Кто ты такая?! – спросили жены.

Я была зла и возражение сыпались из меня сами собой, ну просто как из рога изобилия. Слова от зубов так и отскакивали.

– Сейчас на повестке вопрос – не кто я, а кто вы, – закричала я. – А вы алчные и мерзкие бабы. Вместо того, чтобы искать убийцу мужа, вы делите его добро. Сейчас же иду вызывать милицию.

Если на первые мои фразы жены имели что возразить, то последняя едва ли не сшибла их с ног. С минуту, а это очень много, они жадно хватали воздух, а потом завопили, как резаные. Больше всех, почему-то, распылялась моя Тамарка. Татьяна только за малым отставала от неё.

– Сидишь тут, умничаешь, – гремела Тамарка. – Шляпу на себя надела, очки нацепила!

– Девочки, она нацепила Фросикову шляпу! – завизжала Полина.

– Шляпу я беру себе, – постановила Тамарка, снимая с меня шляпу и напяливая её на свою вздыбленную начёсом голову.

– А я тогда возьму костюмчик, – крикнула Татьяна и вцепилась в мой леопардовый костюм, серьёзно намереваясь его с меня содрать.

Я начала вопить, что костюмчик принадлежит мне, лично мне, но меня уже никто не слушал. Делёж набирал темпы.

– А я возьму себе очки! – обрадовалась Изабелла и сорвала с меня очки.

Все охнули и отпрянули.

Глава 8

Признаться, я не сразу поняла, чему обязана такой гробовой тишиной. То вопили из последних сил, а то вдруг сразу все замолчали.

– Зачем ты это сделала, Мама? – переполняясь ужасом, спросила Тамарка.

Остальные смотрели на меня тоже с ужасом, в котором присутствовало и некоторое уважение.

– Зачем я это сделала? Спроси об этом своего кота! – возмутилась я.

– При чем здесь кот? – изумилась Зинаида.

Я уже изготовилась во всех подробностях объяснить, но внезапно завывла Полина.

– Господи, как он сопротивлялся! – выла она. – Как не хотел умирать мой Фросик!

– Да-а, – поддержала её Татьяна. – Умирать совсем не хотел и сопротивлялся крепко. Смотрите, на ней же живого места нет.

Тут лишь до меня дошло, что они имеют ввиду.

– Только не вздумайте на меня стрелки переводить! – закричала я. – Предупреждаю сразу: у вас ничего не получится, потому как...

– Да что там не получится, – не дала мне договорить Татьяна. – Грохнула нашего Фроку и битый час всем зубы заговаривала.

– Господи, как он сопротивлялся! – опять завывла Полина. – Как сопротивлялся! Мой Фросик! Мой бедный Фросик!

– Ты только что своего Фросика собиралась в ковёр закатывать, – напонила я. – А теперь ревёшь белугой. Слезы льёшь крокодиловы.

Тамарка, все это время пребывавшая в глубоких размышлениях, вдруг встрепенулась, схватила меня за грудки и затрясла, приговаривая:

– Зачем ты это сделала, Мама? Признавайся, зачем ты это сделала, невозможная? Теперь тебя будут судить! Мама! Будут судить!

– Господи, как он сопротивлялся! – выла тем временем Полина. – Как он хотел жить!

– И ещё милицией нас пугала, – с обидой вспомнила Изабелла.

– Да она же все собиралась свалить на меня! – внезапно озарилась догадкой Зинаида и, отпихнув Тамарку, затрясла меня ещё хлеще, приговаривая: – Ах ты сволочь! Ах ты сволочь!

– Это кот! – вопила я. – Это кот! Тамарка его раскормила! Это он завалил меня с лестницы!

Татьяне стало интересно.

– Подожди, – крикнула она, отставляя Зинаиду в сторону. – Мне кажется, она хочет сделать признание. Не мешай, дай ей облегчить душу.

Почувствовав свободу, я отпрыгнула на безопасное расстояние и скороговоркой сообщила:

– Это все Тамаркин кот. Это он опрокинул лестницу. Я упала и набила фингалы. У меня вот и фарш на щеках. Это все от его когтей.

И я принялась разматывать платок, чтобы показать свой «фарш». Увидев «фарш» все ахнули.

– Господи! Как же он, несчастный, сопротивлялся! – с новой силой взывала Полина.

– Да нет же, – разозлилась я. – Это не он, это кот. Кот Тамаркин.

Все дружно посмотрели на Тамарку. Она пожала плечами, давая понять, что не знает о чем идёт речь.

– Ну как же? – завопила я. – Твой кот вместе со мной упал с той лестницы, что хранится в твоём сарае. С последней ступени! Так что времени у него было достаточно, чтобы разодрать мне щеки, пока он ждал приземления.

Видя недоуменное лицо Тamarки, я уже конкретно спросила:

– Неужели ты не видела в каком он после вчерашнего состоянии?

– В прекрасном, – заявила она. – Лучше не бывает. С большим аппетитом поел и спал, как убитый.

– Так ты мне не веришь? – изумилась я.

– Не верю, – призналась Тamarка.

– У меня же есть свидетель, – обрадовалась я. – Евгений. Мой Евгений. Евгений свидетель!

– Твой Евгений соврёт – недорого возьмёт, – предположила Полина.

– Ты же его совсем не знаешь, – рассердилась я.

– Вообще-то он может, если она его подговорила, – предположила Тamarка. – Но с другой стороны, Женька врать не любител. А вот я ему сейчас позвоню.

И она ушла звонить в другую комнату.

– Звони здесь! – крикнула я ей вдогонку.

– Ага, чтобы ты им руководила? – усмехнулась Татьяна и из вредности прикрыла дверь кухни.

Пока Тamarка отсутствовала, мой «фарш» и фингалы подверглись тщательному осмотру.

– Вообще-то похоже на когти кота, – сказала Полина по поводу «фарша».

– Да и фингалы не первой свежести, – заметила Изабелла. – Уже цветами радуги заиграли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.